

A nighttime photograph of the Kronstadt Naval Cathedral, a large white building with multiple blue and gold domes, illuminated by warm lights. In the foreground, a bronze statue of a man in a military uniform stands on a large, rough-hewn stone pedestal. To the left, a large, ornate anchor is visible. The sky is dark with a few birds flying. The overall scene is a historical and cultural landmark.

ЛЕОНИД
АМИРХАНОВ

КРОНШТАДТ

ГОРОД-КРЕПОСТЬ

ОТ ОСНОВАНИЯ ДО НАШИХ ДНЕЙ

Всё о Санкт-Петербурге

Леонид Амирханов

**Кронштадт. Город-крепость.
От основания до наших дней**

«Центрполиграф»

2018

УДК 94(470.23-25)
ББК 63.3(2-2 Санкт-Петербург)

Амирханов Л. И.

Кронштадт. Город-крепость. От основания до наших дней /
Л. И. Амирханов — «Центрполиграф», 2018 — (Всё о Санкт-Петербурге)

ISBN 978-5-227-08178-0

Кронштадт — легендарный пригород Санкт-Петербурга. Сама природа создала здесь все предпосылки для строительства важнейшего для России опорного пункта, но, чтобы увидеть эти предпосылки, нужен был проницательный взгляд первого российского императора. Петр I считал Кронштадт неотъемлемой частью Петербурга и придавал колоссальное значение его развитию. К строительству города были привлечены самые лучшие архитекторы того времени: Василий Баженов, Доменико Трезини... Крепость Кронштадт стала мощным оборонительным рубежом, который не смогли преодолеть враги России ни в XVIII, ни в XIX, ни в XX веке... Но Кронштадт — это не только крепость, форты, доки и портовые сооружения. Это — люди, которые создавали все это, которые жили в Кронштадте и составили его славу. Книга Леонида Амирханова подробнейшим образом расскажет историю этого удивительного города и его жителей от момента основания и до наших дней.

УДК 94(470.23-25)
ББК 63.3(2-2 Санкт-Петербург)

ISBN 978-5-227-08178-0

© Амирханов Л. И., 2018

© Центрполиграф, 2018

Содержание

Предисловие	8
Библиография Кронштадта	10
Глава I	13
Немного географии	14
Приневье и Финский залив в допетровское время	15
Глава II	20
Петр I и начало Северной войны	21
Строительство «Кроншлота»	25
Остров Котлин и продолжение Северной войны	32
«Новый Кроншлот»	41
Док-канал	45
Основание Кронштадта	48
Гавани	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Леонид Амирханов

Кронштадт. Город-крепость. От основания до наших дней

Оформление художника Е.Ю. Шурлаповой

Серия «Всё о Санкт-Петербурге» выпускается с 2003 г.

Автор идеи Дмитрий Шипетин

Руководитель проекта Эдуард Сироткин

Иллюстрации предоставлены автором, В.Я. Крестьяниновым и Музеем истории Кронштадта

Предисловие

*Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно.*

А.С. Пушкин

Александр Сергеевич совершенно справедливо сделал упор на слово «природа». Именно природа оформила все предпосылки для создания здесь важнейшего для России опорного пункта, но чтобы увидеть эти предпосылки, нужен был проницательный взгляд Петра I.

Еще один подарок природы Россия получила в виде небольшого острова, расположенного всего в 30 км от центра новой столицы. Упустить возможность построить здесь крепость, защищавшую Петербург, Петр Алексеевич позволить себе не мог. И он это сделал. Крепость Кронштадт стала мощным оборонительным рубежом, который не смогли преодолеть враги России ни в XVIII, ни в XIX, ни в XX в.

В истории Кронштадта немало славных страниц, были тяжелые времена, преодолеть которые люди смогли не только благодаря физическим силам, но и силам духовным.

На протяжении всей истории Приневья и Кронштадта мы встретим немало примеров помощи свыше. Это и первые русские православные святые – князья Борис и Глеб, пришедшие на помощь князю Александру Ярославичу.

Это и знак небесный, явившийся, согласно легенде, Понтусу де ла Гарди в виде сосны, выросшей на его груди. Увидев во сне такое диво, де ла Гарди якобы ни минуты не задержался на приневской земле, а сбежал домой, если он у него, конечно, был¹.

И даже Петр I (антихрист по определению Д. Мережковского) понимал, что одной человеческой силы недостаточно для свершения столь грандиозных дел. Нужны силы духовные. И заботился об этом, и неспроста стремился, несмотря на все недовольство, перенести сюда мощи Александра Невского.

А эпизод с двумя врачами «Комочума», которые, уже больные чумой, выезжали с форта «Император Александр I» в Петербург и Кронштадт, но не заразили ни одного человека из тех, с кем общались.

А Иоанн Кронштадтский? Случайно ли этого человека, родившегося в Архангельской губернии, в 1855 г. после окончания Духовной академии направили служить в Андреевский собор в Кронштадте?

И как не вспомнить Великую Отечественную войну, икону Тихвинской Божией матери – покровительницу нашего Петербурга, которую провезли по всем фронтам Северо-Запада? Эту черту германцы не переступили!

А падение креста с купола Морского собора 7 августа 2002 г.!

Кронштадт – это не только крепость, форты, доки и портовые сооружения. Это – люди, которые создавали все это, которые жили в Кронштадте и составили его славу.

Обо всем этом наша книга.

¹ Столянский П.Н. Вверх по Неве от Санкт-Питер-Бурха до Шлюшина. Пг.: Гос. изд-во, 1922.

Библиография Кронштадта

Библиография Кронштадта за более чем 300-летнюю историю не так обширна, как того заслуживает этот город. Виной тому многолетняя секретность, и тем не менее о Кронштадте писали, рассказывали.

Пожалуй, одни из первых – книги Г. Тимченко-Рубана, С.И. Елагина, мичмана Дорогова, Ф.А. Тимофеевского, а также вышедшая в Киеве небольшая брошюра В.В. Владимирова. Прекрасную книгу написал А.В. Шелов «Исторический очерк крепости Кронштадт»².

Не мог пройти (проплыть) мимо Кронштадта и знаменитый Петр Николаевич Столпянский, чей путеводитель по Кронштадту вышел в 1923 г.³. Путеводитель содержит массу интереснейшей информации и два плана: один показывает путь из Петрограда в Кронштадт по Морскому каналу, на другом, разумеется, более интересном, – восточная часть острова Котлин: собственно Кронштадт, гавани, достопримечательности.

В более позднее время был выпущен маленький путеводитель, изданный в 1963 г.⁴. В качестве источников использованы всего семь изданий: три из них посвящены революционному прошлому Кронштадта, еще три – уже упоминавшиеся работы А.В. Шелова, Ф.А. Тимофеевского и С.И. Елагина. Любопытной оказалась и книга Г.Ф. Петрова, выдержавшая два издания, в 1971 и 1985 гг.

Огромная часть литературы о Кронштадте посвящена революционным событиям и мятежу 1921 г. И естественно, что в доперестроечное время мятеж оценивали только со знаком

² Шелов А.В. Исторический очерк крепости Кронштадт. Кронштадт, 1904.

³ Столпянский П.Н. Историко-общественный путеводитель по Кронштадту. Пг., 1923.

⁴ Вишокуров И.П., Завирюха П.Н., Знайда Т.М. Кронштадт. Краткий путеводитель. Л., 1963.

минус, который затем резко поменялся на плюс. Особый интерес вызывают две книги на эту тему: сборник документов⁵ и очень интересная работа сотрудника Музея истории Кронштадта В.Я. Крестьянинова «Кронштадтский мятеж. Хроника событий»⁶, в которой автор предоставляет читателям возможность самим разобраться в этой трагической истории.

Эта книга – не единственная, подготовленная сотрудниками данного музея. В 2008 г. издан альбом В.Я. Крестьянинова «Кронштадт – город музеев», в 2014–2015 гг. – двухтомный каталог «Памятники и мемориальные доски Кронштадта».

Отдельный блок книг посвящен Кронштадту в годы Великой Отечественной войны. Достаточно упомянуть сборник воспоминаний «Мы из Кронштадта»⁷ и книгу А.И. Еськова «Кронштадт. Война. Блокада».

Настоящим прорывом в изучении истории Кронштадта и вообще фортификации стала книга А.А. Раздолгина и Ю.А. Скорикова «Кронштадтская крепость»⁸, и хотя фамилия Скорикова стоит второй, именно он несколько лет работал в РГАВМФ, собирая и анализируя сложнейшие документы. Я купил эту книгу на толкучке, естественно, по коммерческой цене, но был счастлив. В книге не только впервые очень толково рассказано о строительстве основных фортов и батарей Кронштадта, но и оформлена она изумительно. Вот здесь надо сказать спасибо именно первому соавтору. И эта книга задала некоторый тон книгам по фортификации – без чертежей такие книги пусты и немые.

В 2004 г. издательство «ОСТРОВ» выпустило небольшой путеводитель по фортам Кронштадта, вслед за которым появилась целая серия книг о наиболее крупных фортах: «Ино», «Император Александр I», «Константин», «Тотлебен», «Красная Горка» (ему посвящено два издания). В 2017 г. выйдет еще одна книга этой серии – «Форт Риф». Эти книги были бы невозможны без материалов, хранящихся в Российском государственном архиве Военно-морского флота. Среди них оказался уникальный альбом аэрофотосъемки фортов Кронштадта в 1940 г. Издание этого альбома в 2012 г.⁹ стало настоящим подарком любителям истории фортификации.

Еще одна необычайно интересная книга о Кронштадте – «Кронштадт. Архитектурный очерк»¹⁰. В этой книге впервые рассказано о застройке города казенными и частными зданиями.

Небольшая брошюра И.Н. Наймушина «Итальянский дворец в Кронштадте», написанная также на основе материалов РГАВМФ, насыщена интереснейшей информацией об этом уникальном здании. Подобные публикации касались отдельных тем, но попытка создания целостной картины истории Кронштадта удалась только В.Я. Крестьянинову в книге «Кронштадт. Крепость, город, порт»¹¹. Автор отказался от хронологической структуры и разделил книгу на тематические очерки. Книга содержит большое количество информации и насыщена интересными фотографиями. Однако из-за ограниченного объема за бортом издания осталось не только много фактов, но серьезных событий и тем. В 2014 г. эта книга вышла вторым изданием, правда, дополнения коснулись только восстановления Кронштадтского Морского собора.

Об этом символе Кронштадта надо сказать особо. Еще работая в филиале ЦВММ «Кронштадтская крепость», который располагался тогда в Морском соборе, В.Я. Крестьянинов в 1998 г. написал небольшую брошюру об этом храме. В ней впервые рассказано о строительстве

⁵ Наумов В.П., Косаковский А.А. Кронштадт 1921. М., 1997.

⁶ Крестьянинов В.Я. Кронштадтский мятеж. Хроника событий. СПб., 2016.

⁷ Зонин С.А., Белов М.Е., Поляков М.Е. Мы из Кронштадта. Л., 1975.

⁸ Раздолгин А.А., Скорилов Ю.А. Кронштадтская крепость. Л., 1977.

⁹ Аэрофотосъемка фортов Кронштадта. СПб., 2012.

¹⁰ Розадеев Б.А., Сомина Р.А., Клещева Л.С. Кронштадт. Архитектурный очерк. Л., 1977.

¹¹ Крестьянинов В.Я. Кронштадт. Крепость, город, порт. СПб., 2000.

собора и его судьбе. В те лихие годы мы были рады и такому скромному изданию. Совсем недавно издан прекрасный альбом «Кронштадтский Морской собор»¹².

В периодической печати опубликовано немало интересных статей о Кронштадте: это и газеты, издававшиеся в Кронштадте («Котлин», «Кронштадтская газета»); журналы, прежде всего, конечно, «Морской сборник», «Судостроение», «Военно-исторический журнал»; альманах «Цитадель», в каждом выпуске которого публикуется несколько статей о Кронштадте.

Нельзя не упомянуть и уникальный труд А.К. Соколова «Кронштадт: история длиною в 300 лет»¹³. Автор создал эту книгу на основе материалов газет, выходивших в Кронштадте в разные годы. Помимо уже упомянутого РГАВМФ, немало интересных материалов хранится в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), Музее истории Кронштадта и Центральной военно-морской библиотеке (ЦВМБ). Без работы в этих замечательных учреждениях книгу о Кронштадте написать было бы невозможно. Поэтому считаю своим приятным долгом выразить искреннюю благодарность сотрудникам РГАВМФ, ЦГИА СПб, ЦВМБ, Музея истории Кронштадта, а также лично В.Я. Крестьянину и В.Ф. Ткаченко за неоценимую помощь в создании этой книги.

В настоящем издании я попытался собрать все, что, по моему мнению, необходимо знать об истории Кронштадта, но совершенно очевидно, что это еще далеко не вся история удивительного явления, называемого очень просто – Кронштадт.

¹² Кронштадтский Морской собор. СПб., 2013.

¹³ Соколов А.К. Кронштадт: история длиною в 300 лет. М., 2004.

Глава I До Петра

Немного географии

Остров Котлин, расположенный в восточной части Финского залива, – образование очень древнее. Его гранитная основа сформирована около 3 миллионов лет тому назад. Часть нынешнего Балтийского моря около 10 000 лет назад занимало так называемое Анциловое озеро, получившее это название от пресноводного моллюска анцилюс. Археологические раскопки на берегах острова дали возможность найти здесь кости животных не только вымерших, но и предков животных и рыб, ныне живущих на земле и под водой.

Геологические процессы привели к тому, что около 7500 лет назад воды Северного моря проникли в Анциловое озеро, превратив его в Литориновое море. Этим названием оно обязано другому моллюску – из рода литорина. Но прошло всего три с половиной тысячи лет, и произошло поднятие суши, заставившее отступить Литориновое море. Так образовалось море Древне-Балтийское. О Литориновом море нам напоминают крутые обрывы, хорошо узнаваемые, в частности, на Приморском шоссе в районе поселка Ушково (фин. Тюрисевя). В конце XIX в. проживавшие в этой финской деревушке дачники проложили по верху обрыва тропу – «корниш», гуляя по которой, они имели возможность любоваться Кронштадтом и южным берегом Финского залива.

А место, где находится ныне остров Котлин, благодаря тектоническим катаклизмам то, опускаясь, становилось морским дном, то, поднимаясь, превращалось в остров. Все это приводило к тому, что морская структура осадков чередовалась с континентальной. И именно поэтому геологической структуре Котлина присуща определенная слоистость¹⁴.

Прошло еще какое-то тысячелетие, и примерно 2500 лет назад образовалась река Нева. К этому времени остров, поднявшись со дна моря, опускаться больше не захотел. Вода хлынула из древней Ладоги в Балтийское море, образовав Невскую губу. Невская вода, веками размывая нижние слои острова Котлин, сформировала его нынешнюю форму, напоминающую с высоты птичьего полета какое-то доисторическое животное, которое, возможно, когда-то здесь обитало. Сформировала и его нынешние размеры: всего 12 км в длину и 4 км в ширину в самом широком месте.

О происхождении названия Котлин единого мнения у специалистов не наблюдается. По одной из версий, когда-то Невская губа называлась Котлин-озером, поскольку представляла собой котловину, наполненную смесью пресной и соленой воды. Отсюда якобы и такое название острова. Финны называли остров Ретусаари (заброшенный остров). В разных источниках фигурируют и Кетлинг с Котлингом, и Рычрет с Рычардом. Легенда же о связи названия острова со шведским котлом, который опрокинул Петр I, – всего лишь легенда. Но тем не менее это слово иногда напрашивается само собой, а изображение котла даже проникло на герб Кронштадта.

¹⁴ Кошкин А.С. Природа острова Котлин. СПб., 2008. С. 8.

Приневье и Финский залив в допетровское время

Балтийское море – это огромный, разумеется, по местным понятиям, «котел», вокруг которого когда-то расселились полтора десятка племен, народов, народностей, этносов. Тогда еще не было четких границ, и каждый выбирал себе место у котла соответственно своей силе или отсутствию оной, а места не все одинаковы. Наиболее ценными были те, по которым к котлу доставлялись разного рода товары. Поэтому путь «из варяг в греки», а он проходил в том числе и по Неве, и мимо острова Котлин, считался особенно лакомым кусочком.

Торговля всегда оставалась одним из самых прибыльных занятий. Предприимчивые ганзейские купцы поняли это одними из первых. Еще в XII в. пять германских городов во главе с Любеком составили знаменитый торговый Ганзейский союз. Определенные успехи в кораблестроении и навигации сделали морской путь экономически более выгодным, чем сухопутный. Правда, и здесь, как и на суше, следовало делать скидку на разбойников, то есть пиратов. Да еще стихия забирала свои проценты с товара, не брезгуя и людьми. И все-таки именно морской и речной пути стали наиболее перспективными. А если купец был еще и немножко поэтом, то путешествие с товаром за прибылью становилось для него к тому же романтическим приключением, до которых так охочи мужчины во все времена.

Новгород, «владея ключом главных торговых путей, идущих с востока и юга, получил на европейских рынках особенно важное значение». Сами ганзейцы, которые в 1195 г. заключили договор с Новгородом о взаимной торговле и свободном мореплавании по Балтийскому морю, «признавали Новгородскую контору источником, из которого произошли все прочие конторы»¹⁵. Однако опасному конкуренту в лице Швеции очень хотелось захватить устье Невы, чтобы контролировать прохождение купеческих кораблей, пополняя процентами свой карман.

Поэтому восточная часть Балтийского моря имела важнейшее значение для развития торговли, и это подтверждалось постоянными стычками конкурентов, иногда весьма кровопролитными.

Новгород оказался в непростой ситуации, к XI в. его данниками были племена, жившие на южном и северном берегах Балтийского моря, но немецкие миссионеры, повнимательней ознакомившись с этими землями, решили отвоевать себе более широкое место у «котла». В 1158 г. началась военно-церковная колонизация южного берега Балтики. В 1201-м на уже отвоеванных немецкими войсками у Новгорода землях образовалась Ливония, а в ней – орден Меченосцев. Они продвигались на восток по южному берегу Балтики, захватывая значительные территории. В результате граница между Ливонским орденом и Новгородом проходила по реке Нарове, Чудскому озеру, реке Великой. Таким образом, новгородские земли значительно сократились.

На северном берегу Балтики у Новгорода тоже нашлись враги. В 1157 г. шведы двинулись на земли племен «суми» и «еми», данников Новгорода. Проходили они и дальше, в 1164-м, например, сильный шведский флот прошел Неву, вышел в Ладожское озеро и осадил город Ладогу. Но ладожане хотя и оказались застигнуты врасплох, не потеряли присутствия духа: они зажгли свои дома в предместьях и засели в крепости, отправив гонца в Новгород с просьбой о помощи. Шведы двинулись на приступ, который был отбит, а вскоре подоспела и подмога во главе с князем Святославом и ударила по неприятелю с такой силой, что «из 55 шнеков, составлявших неприятельский флот, 43 были взяты, и только на остальных 12 судах весьма немногие из шведов, большей частью израненные, спаслись от смерти или плена, чтобы свидетельствовать на родине о совершенной неудаче этого первого опыта их борьбы с русскими»¹⁶.

¹⁵ Шелов А.В. Исторический очерк крепости Кронштадт. Кронштадт, 1904. С. 2.

¹⁶ Гуппинг А.И. Нева и Ниеншанц. СПб., 2003. С. 64.

Новгородцы отвечали не менее активными походами на шведские территории Финляндии и даже на саму Швецию. Так, в 1187 г. была взята и сожжена шведская столица Сигтуне. После этого ее перенесли на новое место, дав ей название Стокгольм.

В начале XIII в. Швеция снова повела наступления на новгородские земли, но первая попытка оказалась неудачной. В 1240 г. шведский флот во главе с ярлом Биргером вошел в Неву, и 15 июля, в воскресенье, близ впадения реки Ижоры в Неву состоялась знаменитая битва. В ней новгородская дружина под предводительством князя Александра Ярославича наголову разгромила шведов, попытавшихся захватить устье Невы и город Ладогу, овладеть знаменитым и прибыльным путем «из варяг в греки». Этой победе предшествовало явление первых русских святых, князей Бориса и Глеба, убитых еще в 1015 г. окаянным Святополком. Их увидел новгородский боярин Пелгусий, находившийся в заставе на западной оконечности острова Хирвисаари (ныне – Васильевский). Борис и Глеб были одеты в торжественные «червленые» одежды, а гребцы их носад (новгородской лоды) – в одежды, «аки в молнию». Святые Борис и Глеб шли на помощь новгородским дружинам, на помощь князю Александру¹⁷.

Менее чем через два года, 5 апреля 1242-го, Александр во главе русского войска разбил и немцев на льду Чудского озера в битве, названной Ледовым побоищем.

Молодой князь, предводитель русских воинов, после этой битвы получит почетное прозвище: «Потомство прозвало Александра *Невским*, а церковь причислила к лику святых за благочестивую жизнь и мужественные труды, поднятые на защиту веры и отечества. Нетленные мощи его, покоящиеся во Владимире, Петр Великий перенес на берега Невы, где под охранением их святыни процвела юная столица России, и с того времени название *Невского* вдвойне приличествует святому ратоборцу»¹⁸. Молодой князь после битвы будто бы произнесет знаменитую фразу: «Кто к нам с мечом придет – от меча и погибнет». Так по крайней мере она звучала из уст Николая Черкасова, игравшего главную роль в знаменитом фильме «Александр Невский». Эти слова оказались пророческими.

Еще один договор с Ганзой Новгород заключил в 1262 г. Согласно ему, новгородцы принимали на себя ответственность за охрану торговых судов от острова Кетлингена до Новгорода. Это стало первым письменным упоминанием названия острова в международных актах – Кетлинг, или Котлин¹⁹.

В 1295 г. шведы основали крепость Выборг, а во время похода 1299–1300 гг. в Приневье начали строить в устье Охты крепость Ландскрону («Венец земли»). Но весной 1301 г. новгородские войска князя Андрея Александровича сожгли эту недостроенную крепость. Шведы же в начале XIV в. не прекращали попыток взять город Ладогу и даже дойти до устья Свири. К началу 1320-х гг. они полностью захватили бывшие новгородские земли гораздо восточнее древней новгородско-шведской границы, и Новгороду пришлось заключить в 1323 г. Ореховецкий мирный договор, по которому новгородско-шведская граница переносилась на сотни километров на восток и устанавливалась по реке Сестре.

Таким образом, за XII – начало XIV в. наступления шведских войск по северному берегу Финского залива, немецких, датских и шведских войск по южному берегу залива привели к значительному сокращению земель, подчиненных Новгороду. Неимоверными усилиями новгородцам удалось отстоять лишь небольшую полосу территории, центральной осью которой оставался древний торговый путь «из варяг в греки», закрепив, таким образом, право свободного прохода русских торговых судов из Невы в море. Границами этого новгородского выхода

¹⁷ Семенцов С.В. Развитие Приневья и Приладожья в VIII–XVII вв. – основа создания Санкт-Петербурга и всей Санкт-Петербургской агломерации // Елагинские чтения. Вып. 2. СПб., 2006. С. 17.

¹⁸ Гиппинг А.И. Нева и Ниеншанц. С. 77.

¹⁹ Крестьянинов В.Я. Кронштадт. Крепость, город, порт. СПб., 2014. С. 5.

к Балтийскому морю стали река Нарова – Чудское озеро – река Великая на западе, река Сестра — река Сая – река Вуокса – озеро Сайма на востоке.

Но во второй половине XIII в. Русь была значительно ослаблена татаро-монгольским нашествием, и иноземные купцы стали посредниками морской торговли. В XIV–XVI вв. шведы неоднократно ходили в походы в Карелию и Ингрию, разумеется, каждый раз проходя мимо острова Ретусаари и иногда высаживаясь на нем, чтобы размять ноги и разнообразить свое обеденное меню дичью, обитавшей здесь в изобилии.

В 1575 г. на Сестре-реке Швеция и Россия заключили очередное перемирие на два года. Причем русские добились того, что для переговоров шведы прибыли на нашу сторону реки. Несмотря на это, в начале 1578 г. шведские отряды вновь вторглись на русскую территорию и горя причинили очень много: «резали женщин, детей, старцев, монахов, жгли селения и грабили монастыри и деревни так, что сам король молил Бога отвратить от него и государства справедливую кару свою за такое бесчеловечие». Вскоре главнокомандующим шведских войск стал уроженец Франции Понтус де ла Гарди. В 1580 г. он выдвинулся с главными силами к границе с целью захвата российской Карелии и Ингерманландии. Шведам удалось взять крепость Корелу, которую тут же переименовали в Кексгольм. Затем и всю Ингерманландию захватили шведские войска.

Река Сестра, оказавшись в шведских владениях, стала границей между Выборгским и Нотебургским ленами. Отторгнутую часть бывшей Водской пятины Великого Новгорода шведы именовали Ингерманландией или Ингрией. Существует легенда, согласно которой это название восходит к 1019 г., когда первый крещеный король Швеции Олаф выдал свою дочь Ингигерду (в крещении Анна) замуж за новгородского князя Ярослава Мудрого. В приданое Ингигерда получила Ладогу и Ладожскую волость, где проживало прибалтийско-финское население, на языке которого ее шведское имя звучало несколько иначе, почему эти земли постепенно и стали называть Инкеринмаа (или Инкери), что в переводе на русский язык и означало – «земли Ингигерды». В русском варианте это слово получило другое звучание – «ижора». Шведские завоеватели, не утруждавшие себя изучением местных языков, добавили к непонятному для них слову «Инкеринмаа» шведское «ланд» – земля. В результате появилось громоздкое «Ингерманланд», в котором слово «земля» повторяется дважды – в финском и шведском вариантах. Позднее к этой конструкции добавилось русское окончание «ия», которое также означает «земля».

Западная граница Ингерманландии проходила по реке Нарове, восточная – по реке Лава, южная – по реке Луга и с севера обозначалась рекой Сестрой. За Сестрой начиналась Карелия.

Война с Ливонским орденом, начатая в 1583 г., ознаменовалась взятием Нарвы, но Швеция вновь появилась на арене, заменив прекративший свое существование Ливонский орден. Шведские войска захватили ряд русских крепостей на западе, заставив тем самым Россию в 1583 г. подписать Плюсское перемирие, по которому Россия уступила Швеции часть западной Ингерманландии.

Но по договору, заключенному 18 мая 1595 г. в Тявзине (район Нарвы), эти земли вернулись России. Береговая пограничная черта к северу от устья реки Сестры осталась почти такой же, как была зафиксирована Ореховским договором, а к югу от нее граница направилась поперек Финского залива, проходя через середину острова Ретусаари (Котлин). Таким образом, Россия лишилась возможности создать укрепления на этом важном острове. Договор, кроме того, ограничивал русскую торговлю: с иностранными купцами разрешалось торговать только в Ревеле (Таллин) и Выборге.

Но шведам этого оказалось мало – им требовалась надежная крепость на Неве, и уже в 1611 г. при впадении реки Охты в Неву имелось укрепление, в котором помещалось 500 человек войска. Именно здесь через некоторое время появится город Ниен (Нюен).

Россия, истощенная Смутным временем, 17 февраля 1617 г. заключила Столбовский договор, по которому царь Михаил Федорович отказался за себя и за потомство от земли Ижорской. Что это означало для Швеции, понятно из речи короля Густава II Адольфа, произнесенной на сейме 1617 г.: «Одно из величайших благ, дарованных Богом Швеции, заключается в том, что русские, с которыми мы издавна были в сомнительных отношениях, отныне должны отказаться от того захолустья, из которого так часто беспокоили нас. Русские – опасные соседи. Теперь без нашего позволения русские не могут выслать ни даже одной лодки в Балтийское море... Теперь у русских отнят доступ к Балтийскому морю, и, надеюсь, не так легко будет им перешагнуть эту преграду»²⁰.

В России хорошо сознавали важность этой потери, и в 1656 г. царь Алексей Михайлович решил занять все побережье Финского залива от Невы до Риги и, кроме того, берега Ладоги. Для этого были сформированы четыре отряда, одновременно направившиеся по четырем разным направлениям. Отряду воеводы и стольника П.И. Потемкина следовало «идти на Свейский рубеж на Варяжское море». Ему «дано было 1000 человек и в том числе, на случай морских экспедиций, были кормщики и отправленные из Москвы 510 донских казаков как опытные и бывалые моряки»²¹. Воевода вступил в Ингрию, сжег Канцы и обложил Орешек, простояв под ним до осени. Однако до этого, 22 июля, Потемкин успел сделать морской набег. Ходил он «с ратными людьми судами на море, и у Котлина-острова с немецкими людьми был бой, и милостию Божиею и Пречистые Богородицы помощью и всех святых молитвами... у Котлина-острова полукорабль взял, и немецких людей побили, и языка поймал, начального человека капитана Ирека Далсфиро, 8 человек солдат и наряд (т. е. пушки. – Л. А.) и знамена поймали, а на Котлине-острове латышане деревни высекли и пожгли»²². Из этого следует, что Котлин населен был, видимо, давно, хоть и весьма незначительно. И шведы опорного пункта здесь не имели, что несколько удивительно для опытных шведских военачальников.

Закрепиться в устье Невы отряду Потемкина не удалось – для этого требовались более серьезные силы. Осенью шведские войска снова заняли оба берега реки и Ладожское озеро. В 1661 г. заключен Кардисский мир, согласно которому устье Невы и Котлин оставались за Швецией.

После Столбовского мира 1617 г. сюда стали прибывать финны, которым наводнения, видимо, были нипочем. В результате на острове Хирвисаари (ныне – Васильевский) в конце XVIII в. находилось десять крестьянских хозяйств, а на взморье стояли лоцманский домик и, разумеется, кабак.

Наличие же лоцманского домика говорит не только о сложности прохождения Невского бара, но и о том, что у лоцмана была работа, раз он постоянно жил в этом домике рядом с кабаком.

Тем временем Ниен активно развивался. Под началом инженера С.Г. Хельмфельта здесь построили, по европейским фортификационным правилам того времени, 5-бастионную с двумя рavelинами²³ цитадель Ниеншанц. Ее бастионы получили названия Гельмфельтов, Мельничный, Старый, Мертвый и Карлов, а рavelины назывались Большой и Малый.

По планам конца XVII в., Ниен располагался по обоим берегам речки Чернавки (притока Охты), напротив Ниеншанца, а также севернее, вдоль берега Невы. Ниен включал 66 прямоугольных кварталов городской застройки. В городе размещались шведский кафедральный собор, немецкая церковь, старая и новая ратуши, шведская школа при соборе, таможня, бараки для солдат, склады и сараи для хранения припасов. Центр города украшали три площади –

²⁰ Шелов А.В. Исторический очерк крепости Кронштадт. С. 4.

²¹ Там же.

²² Цит. по: Крестьянинов В.Я. Кронштадт. С. 6.

²³ Рavelин – треугольное сооружение впереди крепостного рва, служащее для поддержки огнем атакованных бастионов.

площадь вокруг шведского собора со зданием школы, площадь вокруг немецкой церкви, главная городская площадь с ратушей и таможней. Из города к Ниеншанцу вел через Охту подъемный мост, а через Чернавку установили несколько постоянных мостов. От Ниеншанца и устья Охты к противоположному берегу Невы, где издавна находилось село Спасское с православной церковью Спаса Преображения, был устроен перевоз.

30 мая 1681 г. Ниен подвергся страшному опустошению пожаром, от которого удалось спасти лишь четвертую часть всех строений. После этого жилая застройка с церквями и городскими площадями окончательно закрепилась на правом берегу Охты. Спешные восстановительные работы велись на рубеже XVII–XVIII вв., и потребовалось усиление крепости, для чего было разработано несколько проектов кардинальной перестройки фортификационных сооружений, вплоть до срытия существовавшей пятибастионной цитадели и ее кронверка и замены на новую, шестибастионную крепость с рavelинами.

Крепостные валы «никуда не годились», а укрепления находились в незаконченном состоянии, но, по мнению шведского инженера Дальберга, город обладал стратегическим значением как торговый центр. Население его составляли шведы, финны, русские и немцы, прибывшие из самых отдаленных областей, поэтому Ниен не нуждался в мощных укреплениях. Но поскольку русские всегда будут настойчиво стремиться «осуществить свое вековое желание и закрепиться в Восточных провинциях», то шведам было важно сохранить Ниен как сильную позицию к западу от Ладogi.

Но и эти работы не были осуществлены. Весной 1703 г. русские войска подойдут к Ниеншанцу, и его время закончится.

Глава II

Кронштадт в XVIII в.

Петр I и начало Северной войны

Рассуждения о роли личности в истории отложим в сторону, поскольку историю творят личности, именно личности.

Петр Алексеевич Романов стал Петром Великим не случайно. Случайность – это неосознанная необходимость. Россия двигалась в тупик, и была необходима очень сильная личность, способная перевести засыпанную трухой заржавленную стрелку на новый путь. О царе-преобразователе написано множество трудов, поэтому в данном случае следует ограничиться следующим. Петр в силу объективных причин осознанно позиционировал себя как настоящего лидера, вождя – учителем, мастером, который личным примером показывает, как надо работать и жить. Поэтому сам промерял фарватер, сам указывал, как строить гавани, как вооружать форты... Он не сомневался в своей уверенности и понимании того, что хорошо, что плохо, «что полезно, что вредно». Поэтому и поощрял щедро и наказывал жестоко, а случалось, и сам исполнял приговор.

При этом, будучи в личной жизни весьма скромным и непритязательным, не любившим публичных славословий, в памятные дни празднования победы над шведами осенью 1721 г. он не отказался от титулов «Великий» и «Отец Отечества». Таким он себя и считал.

Петр I. Гравюра с портрета К. Моора. 1718 г.

И вот царь Петр I явился «решителем» вековых споров за Неву, Карелию и Ингрию. Как уже упоминалось, после заключения договоров в Столбове и Кардисе русские лишились столь необходимого им водного пути. Наш товарообмен сильно «стеснялся» у Нарвы и Ниена, где ввозная пошлина зачастую поднималась настолько, что сделки русских торговцев становились убыточными. Например, в 1688–1689 гг. через Ниеншанц с огромными затруднениями пропустили груз, среди которого находились лекарства, выписанные для личных надобностей Петра I и его брата Иоанна²⁴.

Россия не могла расти и развиваться, не открыв себе путей для торговли. Этим путем стало Балтийское море. Не зря Петр I говорил, что шведы на севере, а турки на юге «со всем светом нам коммуникацию пресекли».

²⁴ Бородин М. История Финляндии. СПб., 1900. С. 17.

В 1699 г. в Москву прибыло шведское посольство с сообщением о вступлении на престол Карла XII. В октябре царь принял посольство с большой торжественностью, но во время аудиенции напомнил, что комендант Риги генерал Даль-берг не допустил его, под именем Петра Михайлова, осмотреть крепость. Поведение Дальберга Петр I в свое время отметил в протоколе и приберегал его как предлог к войне, но пока обходился крайне радушно со шведским представителем в Москве Книперкроном, чтобы развеять его беспокойство и скрыть свои подготовительные действия.

В июле 1700 г. наш посол в Швеции, князь А.Я. Хилков, заявил Карлу XII о непереносимом желании Петра I получить Нарву или другой приморский пункт на Финском заливе. Карл отказал. Узнав об этом ответе, Петр сказал: «Возьму силою, чего добром получить не мог». 19 августа 1700 г. была объявлена война Швеции «за многие их швейские неправды и нашим царского величества подданным за учиненные обиды, наипаче за главное безчиние, учиненное нашим царского величества великим и полномочным послам в Риге в прошлом 1697 г., которое касалось самой нашей царского величества персоны».

Новая война стала не только борьбой за выход к Балтийскому морю – от успеха в этой войне зависело положение великой Российской державы в Северной Европе.

Однако первая проба сил под Нарвой закончилась неудачей. Армия разбита, артиллерия потеряна. Лучше других оценил Нарвское дело сам Петр: «И так шведы над нашим войском викторию получили, что есть безспорно, но надлежит разуметь, над каким войском оную учинили, ибо только один старый полк Лефортовский был; два полка гвардии только были в двух атаках у Азова, полевых боев, а наипаче с регулярными войсками, никогда не видали прочие полки [...] единым словом сказать, все то дело яко младенческое игранье было: а искусства ниже вида; то какое удивление такому старому, обученному и практикованному войску над таким и неискусными сыскать викторию»²⁵.

Пришлось все начинать сначала, и после нарвского несчастья работа закипела с удвоенной энергией. Северную границу спешно привели в оборонительное состояние. В кратчайшие сроки реорганизовали и восстановили армию, началось ее перевооружение, для чего потребовались даже перелить на пушки церковные колокола. Началось создание российского военного флота. В 1703 г. на верфи Лодейного Поля спустили на воду 6 фрегатов.

15 июня 1702 г. Петр Апраксин выслал на соймах и баркасах отряд в 400 человек под командованием подполковника Островского для «разорения» селений на Кексгольмском берегу – это первая военная экспедиция петровских частей по Ладожскому озеру. Около устья реки Ворона отряд Островского встретил небольшую военную эскадру шведов под командованием вице-адмирала Гедона фон Нумерса. Большая часть шведской команды занималась на берегу грабежом русских деревень. Островский атаковал шведов. Полная неожиданность атаки привела шведов в замешательство, Нумере поднял паруса и поспешно отступил.

В августе 1702 г. полковник Иван Тыртов, согласно донесению П. Апраксина, «ходил на Ладожское озеро „плавающим караваном“ для промыслу и имел на озере бой со шведскими шхунами, которые отступили к Орешкову»²⁶. 27 августа отряд И. Тыртова в 1000 человек на 30 карбасах в полный штиль атаковал парусную эскадру вице-адмирала Нумерса, стоявшую на якоре близ Кексгольма. Русским удалось сжечь две шхуны, одну потопить, а две взять в плен и «уменьшить отряд адмирала на 300 человек». К сожалению, сам И. Тыртов в этом бою был убит шведской пулей.

Эскадра Нумерса ушла по Неве в Финский залив, а затем в Выборг. Таким образом, Ладожское озеро оказалось в почти полном распоряжении русских. Овладев в 1702 г. крепостью Нотебург, Петр переименовал ее в Шлиссельбург (Ключ-город), видимо, для того, чтобы

²⁵ Бородин М. История Финляндии. СПб., 1900. С. 30.

²⁶ Бородин М. История Финляндии. СПб., 1900. С. 44.

показать важность этого завоевания. А уже 25 апреля 1703 г. русские войска начали осаду Ниеншанца. Заняв внешние укрепления, возведенные в предыдущем году генералом Крониортом, осадные батареи 30 апреля начали обстрел крепости. Комендант, не видя возможности защищаться, решил сдаться «на капитуляцию».

Теперь следовало покончить с Нарвой. Весной 1704 г. русские вновь двинулись на запад. Нарву защищал тот же комендант – генерал Горн. Осада города началась 27 июня, а 9 августа, после непрерывной 10-дневной бомбардировки, русские войска «при личном участии Петра» пошли на штурм. Штурмовавшие ворвались в город с севера, со стороны самых мощных бастионов «Виктория» и «Хонор». Когда ожесточение боя дошло до предела и исход его стал очевиден, только тогда Горн приказал дать сигнал к сдаче и, по свидетельству очевидца, «сам кулаком в барабан бил». На крепостном валу сам Горн тоже попал в плен. По преданию, озлобленный за пролитую солдатскую кровь Петр I кричал на Горна: «Глупец! Ты предвидел все ужасы приступа, знал, что не можешь удержаться и бесполезно подверг невинных граждан ярости неприятеля»²⁷.

Но еще за год до этого, 16 мая 1703-го, на Заячьем острове состоялась закладка Петропавловской крепости и началось строительство будущей столицы. Первые укрепления крепости построили очень быстро – в четыре летних месяца. Тысячи людей были заняты на строительстве крепости и возведении домов. Землю на валы носили не только в рогожных мешках, но даже в «полах своей одежды».

На взморье в это время покачивались на волнах корабли эскадры Нумерса, а у реки Сестры стоял отряд генерала Крониорта, который, как значилось в первых русских «Ведомостях», укреплял Карелию и Финляндию. Но эти обстоятельства не смущали Петра I. Вся Европа удивилась столь отважному предпрятию – ведь русский царь начал строительство нового города в то самое время, когда, казалось, «настоящая война имеет одна занять все его попечение».

Петр старался как можно дольше скрывать от шведов сам факт начала строительства. О постройке нового города сведения не распространялись, и, встречаясь с отрядами, превосходившими их в силе, русские отряды отступали, чтобы не потерять людей, которые могли бы дать противнику сведения о новых укреплениях.

На территорию новой крепости никого не пускали. Крестьяне Карельского перешейка, привозившие для продажи свои продукты, останавливались у ворот. Товары отбирались, и продавец ждал уплаты вне крепости.

Петр I прекрасно понимал, что шведы просто так Неву и Финский залив не отдадут, что предстоит долгая изнурительная война, а первые, пусть и блестящие победы – это всего лишь первые победы. С утратой Нотебурга, Ниеншанца и Нарвы шведы теряли контроль над водной системой Ладога – Нева – Финский залив, которая являлась естественной и легко обороняемой границей с вечным врагом – Россией. Закладка крепости и города в устье Невы сводили на нет все их многовековые усилия. Чем был для шведов строившийся Петербург, видно из строк известного шведского поэта Тегнера (перевод О. Румера):

*В те дни пред севером дремотным
Уже возник Петровский град,
Что нынче красоваться стал
Чужих венцов числом несчетным.
Как новорожденный дракон,
Лежал в своем заливе он.*

²⁷ Маршинский (Бестужев) А. Поездка в Ревель // Русские повести и рассказы. Ч. 6. М., 1834. С. 123. Там же упоминается о том, что Петр лично убил одного своего солдата, особенного зверствовавшего в захваченной крепости.

*В змееныше, годами малом,
Кто б чудище не отгадал;
Уж яд в зубах его вскипал,
Расщепленным шипел он жалом.
Там против мирных свейских вод
Снастили смертоносный флот.*

Швед тогда по-другому написать и не мог: «мирные свейские воды» – и против них «яд в зубах»!

Поэтому Петербург становится важнейшей целью военных усилий шведов. Понимая это, Петр первым наносит удар. Четырехтысячная русская армия в марте 1703 г. вторглась в пределы шведской Карелии. У деревни Липола (Котово) произошло крупное сражение. Русское войско, среди которого были специально снаряженные лыжные отряды, атаковало державший оборону так называемый «Черный полк» майора Бургхаузена, состоявший из 600 драгун. Шведско-финляндский отряд был почти полностью уничтожен.

Теперь следовало посчитаться с Крониортом и его отрядом. Шведское командование обвиняло его в бездействии и в том, что он не помог ни Нотебургу, ни Ниеншанцу. Генерал оправдывался слабостью своего отряда и недостатком провианта. Но все-таки вскоре попытался перейти к активным действиям.

В июне 1703 г. произошла стычка передовых отрядов на карельской границе около Лембола, в результате которой шведы вынудили русских отступить. Затем отряды Крониорта, подойдя к Лахте, захватили нашу заставу. Около новой крепости забили тревогу.

7 июля Петр I выступил из Петербурга с двумя полками гвардии и с четырьмя драгунскими. В Преображенском и Семеновском полках, которыми командовал генерал Чамберс, находилось около 5000 человек, конные полки состояли из 700–800 всадников. Следовательно, русские насчитывали около 8000 воинов. У шведов насчитывалось около 4000 (по другим данным – 6800) человек. Отряд Крониорта «нашли» 9 июля 1703 г. Он занимал переправу на реке Сестре.

В дневнике боевых операций Петра I по этому поводу отмечено: «Его царское величество от Питербурха ходил с двумя полками гвардии, да с четырьмя драгунскими против генерала шведского Крониорта, которого у реки Сестры стоящего нашли, и хотя неприятель через переправу жестоко боронился и непрестанно из тринадцати пушек стрелял, однако же бывший тогда в авангарде полковник драгунской Рен с драгунами, несмотря на тою жестокую стрельбу, от оного через реку от мосту отбыл и переправую овладели и многих прибили, а с остальными он, Крониорт, ретировался к Выборху».

Из-за того что дорога оказалась слишком узкой, в этом бою могли принять участие только драгуны. Пройдя версты две, преследуя противника, они вышли на большую поляну около Иоутсельке, где обнаружили арьергард шведов. Драгуны бросились в атаку на врага, который дал бой «фрунт на фрунт». Когда же за нашей конницей показалась пехота, неприятель скрылся в лесу. Началось преследование, причем драгуны «зело много порубили, понеже солдат брать живьем не хотели». В этом бою шведов было убито около 1000 человек, наши же потери составили 32 человека убитыми и 115 ранеными.

Решив на время проблемы с сухопутными частями шведов на Карельском перешейке и на западе, следовало обезопасить новую столицу от нападения с моря.

Строительство «Кроншлота»

Первая морская победа над шведами одержана 7 мая 1703 г. Эскадра вице-адмирала Нумерса появилась в восточной части Финского залива, не подозревая, что за ними внимательно наблюдают передовые русские посты. Два шведских судна – 8-пушечная шнява «Астрильд» и 10-пушечный бот «Гедан» – подошли к самому устью Невы. Посадив солдат Преображенского и Семеновского полков в 30 лодок, Петр атаковал шведские корабли с двух сторон. Один отряд, под командованием «капитана от бомбардиров Михайлова», атаковал «Астрильд», второй отряд, которым командовал А.Д. Меньшиков, – «Гедан». Абордажная схватка была жестокой. Несмотря на упорное сопротивление шведов, русские захватили в плен оба судна. В честь такой победы были изготовлены медали со знаменитой фразой «Небываемое бывает», которые получили все участники этого боя. Традиция изготавливать памятные медали в честь важнейших событий сохранялась после этого в России веками.

В начале октября на Неве и Финском заливе появилась шуга – предвестник скорого ледостава. Шведская эскадра Г. Нумерса ушла на зимовку в Выборг, и у Петра I появилась возможность обследовать остров Котлин и фарватеры Невской губы. Собственноручно делая промеры, царь выяснил, что, устроив на берегу Котлина батарею и построив форт на южном фарватере, можно добиться его надежной перекрестной обороны. Северный фарватер считался вплоть до середины XVIII в. «недоступным» в силу его извилистости и обилия мелей и камней.

«Нельзя сомневаться в правильности и талантливости ведения промеров, так как выбор места для форта Кроншлот был так удачен, что до введения нарезных орудий он был самым важным опорным пунктом, и только современная дальноточность орудий изменила значение Кроншлота, заставив расширить круг обороны, чтобы защитить гавань и город от бомбардирования»²⁸.

Это мнение знающего морского офицера, а вот другое мнение: «Конечно, лучшим местом для будущей фортеции мог стать остров Котлин. Он лежал как раз посередине узкого горла Финского залива. Однако возведение мощных бастионов на скалах требовало немало сил и средств. А шведы уже весной могли напасть на юный Петербург. Нет, следовало искать другое»²⁹. Где автор углядел на Котлине скалы – неизвестно, но он оказался прав в одном: оборона фарватера в данный момент была важнее всего.

Глубина в самом узком месте южного фарватера составила около 3,35 м, отсюда к южному берегу уходила длинная мель, делавшая эту часть залива совершенно непроходимой для неприятельских кораблей. Таким образом, само собой напрашивалось решение именно здесь строить форт. Идея создания на Котлине города и коммерческого порта появится у Петра позднее, когда он подробнее изучит сам остров. А пока следовало решить задачу защиты устья Невы.

Отдав распоряжения о заготовке бревен и камней для начальных работ, Петр 24 октября через Москву отправился в Воронеж. Именно в Воронеже он изготовил модель будущего форта, которую в новую столицу привез князь А.Д. Меньшиков. Предположительно, строительством непосредственно руководил Д.А. Трезини, приехавший из Москвы в Петербург в начале февраля 1704 г.

О том, какая крепость послужила прототипом первого кронштадтского форта, рассказано в книге князя А.Д. Кантемира, напечатанной в Германии в 1738 г. на немецком языке. На русском языке фрагмент из нее опубликован в наши дни в переводе Ю.Н. Беспярых: «К юго-западу напротив ингерманландского берега стоит значительная морская крепость Кронш-

²⁸ Шелов А.В. Исторический очерк крепости Кронштадт. Кронштадт, 1904. С. 7.

²⁹ Овсянников Ю.М. Доменико Трезини. Л., 1987. С. 26.

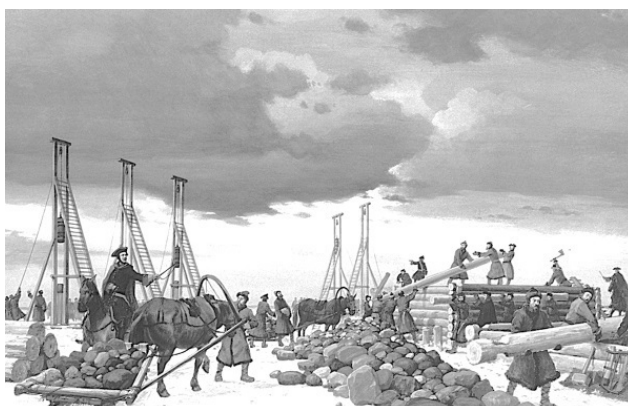
лот – на песчаной отмели, для чего Петр Великий в 1705 г.³⁰ велел посреди зимы сделать из ящиков с камнями основание и затем поставить его в таком месте, чтобы эта крепость могла, наряду с укреплением в Кронштадте, по усмотрению открывать и запирасть путь из Восточного моря в С.-Петербург и также служить как ключом Российского государства на восток, так и прикрытием российской торговли на Балтийском море. Кроме того, это как бы центр российских военно-морских сил, и крепость достаточно доказала свое значение во время нескольких неприятельских нападений.

Она устроена по образцу столь некогда превосходной морской крепости Wallfisch³¹, стоявшей в гавани Висмара, и окружена очень толстой четырехугольной каменной стеной, фланкированной четырьмя бастионами и уставленной многочисленными пушками. Самый нижний их ряд расположен по кругу так, что они могут палить над самой водой и обстреливать утку, не говоря уже о шлюпке. Внутри стоит очень толстая каменная башня в три этажа. Эти этажи имеют вокруг множество бойниц и тоже снабжены достаточным числом пушек. Наверху развевается российский морской флаг. Сама же крепость постоянно обеспечена должным гарнизоном³².

Между крепостью и островом Ретусари вода шириной около двух тысяч шагов, и она достаточно глубока для выходящих и входящих кораблей. А вот с северной стороны острова очень мелко и полно песчаных отмелей, так что на больших судах там вовсе не подступиться...»³³.

В этом фрагменте есть и упоминание о технологии строительства искусственных островов, которая традиционно использовалась в России при строительстве мостов. «Ящики с камнями» – это ряжи, то есть обыкновенные бревенчатые срубы, только без окон и крыши, но с дном. Ряж устанавливался в майну-прорубь во льду как раз по размеру ряжа. Ряж наполняли камнями, и он постепенно опускался на дно. По мере опускания на нем рубили новые венцы. Когда ряжи вставляли на дно, на них устанавливали помост.

Именно эту работу на месте будущего форта начали солдаты полков Толбухина, Островского, Трейдена и Гамонтова, как только лед окреп настолько, что мог выдержать не только людей, но и подводы с камнями. Постройкой руководил князь А.Д. Меншиков, но он периодически «бывал в эту зиму в отлучках», и тогда его заменял бомбардир Василий Корчмин³⁴.

³⁰ Точнее, первый «Кроншлот» основан зимой 1703/04 г.

³¹ Walfisch – кит (нем.)

³² Это описание касается «Нового Кроншлота», о чем в следующей главе.

³³ Цит. по: *Беспятовых Ю.Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 457. См. также: *Богданов В.И., Малова Т.И.* Форт «Кроншлот» и наводнение 1721 или 1777 гг. на гравюре неизвестного немецкого автора // «Цитадель». 2012. № 19. С. 3–20.

³⁴ По легенде, Васильевский остров назван именно по имени Василия Корчмина, в 2003 г. на 7-й линии Васильевского острова ему открыли памятник (авторы Г. Лукьянов и С. Сергеев).

Строительство форта «Кроншлот». Художник А.А. Тронь

Таким образом, установленные солдатами в определенном порядке ряжи служили основанием нового искусственного острова. К весне 1704 г. на этом основании построили мазанковую десятигранную трехъярусную башню, которая завершалась шатровой крышей, увенчанной фонариком со смотровой площадкой на высоте 22,86 м от уровня воды. Выше возвышался флагшток. Общая высота составляла 36,57 м. «Первый ярус башни при диаметре 96 футов (29,26 м) имел сторону 29,5 фута (8,99 м) и высоту 13,8 фута (4,20 м). Соответственно второй и третий ярусы имели диаметр 84 фута (25,60 м), стороны по 26 футов (7,92 м) и высоту 14,7 и 9 футов (4,48 и 2,74 м). Первый ярус на каждой грани стены имел по одному проему размером 6,7 x 5 футов (2,04 x 1,52 м); второй ярус – по два проема размером 6x4 фута каждый (1,83 x 1,22 м) и третий – также по два проема 4,5 x 4,5 фута (1,37 x 1,37 м). Первый и второй ярусы имели по одной внешней двери. Площадь застройки первого яруса составляла 6694 квадратных фута (643,9 м²), а второго и третьего – по 5100 квадратных футов (473,8 м²)»³⁵.

Полковник А.В. Шелов пишет, что при строительстве «Кроншлота» «около 8000 лошадей пало от недостатка корма и изнурения, немало погибло и людей, но это была необходимая жертва, принесенная для охранения Петербурга и для обеспечения будущих успехов Петра на водах и берегах Балтики»³⁶.

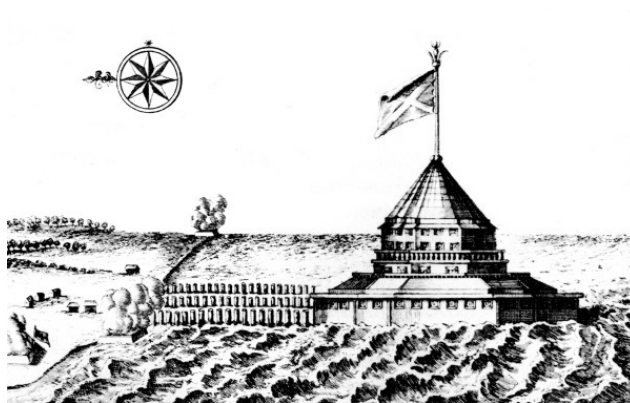
Жуткую картину нарисовал некто Владимиров, выпустивший небольшую книгу о Кронштадте: «Кроме страшных морозов и ветров, губительно действовавших на здоровье рабочих, в скором времени обнаружился страшный недостаток в съестных припасах. Отрезанность вообще всего вновь завоеванного края от остальной России, а уединенного острова в особенности повела за собой то, что по мере наплыва рабочих сил продовольствие их делалось более и более затруднительным, и бедствия от этого все увеличивались и увеличивались. Рабочие жили, как и в Петербурге, в шалашах и спали на мерзлой земле. Их новые шубы в короткое время превратились в жалкие клочья, они прогнили, и от них отваливались целые куски. Почти все были окровавлены. Народ умирал массами. Некоторые думали, что здесь распространилась чумная эпидемия, тогда как на самом деле люди гибли просто от невозможных условий жизни, непосильных работ, холода, сырости и недостатка пищи. Дисентерия (так в тексте. – Л. А.) уносила в могилу всех не выносивших этих условий. Много людей умирало благодаря недостатку медицинских припасов и отсутствию врачей. Так прошла первая зима.

Первоначальное заселение острова началось в местности, находившейся у форта „Александр-шанц“. Ныне этот поселок, известный под именем „Косного селения“, представляет из себя десяток-другой стареньких покосившихся домишек с небольшим населением. Зато находящиеся рядом кладбища живо свидетельствуют, что на этом маленьком островке никогда не было застоя жизни»³⁷.

³⁵ Цит. по: Розадеев Б.А., Сомина Р.А., Клещев Л.С. Кронштадт. Архитектурный очерк. Л., 1977. С. 138. См. также: РГАВМФ. Ф. 326. Оп. 1. Д. 2784.

³⁶ Шелов А.В. Исторический очерк крепости Кронштадт. С. 8.

³⁷ Владимиров В.В. Кронштадт. Киев; Харьков, 1899. С. 13.

Форт «Кроншлот». Гравюра петровского времени

Расхожее мнение, что Петербург, а вместе с ним и Кронштадт построены «на костях», требует некоторого уточнения. Первые слухи о громадной смертности среди первых строителей Петербурга исходили от иностранных путешественников, но, как справедливо отмечает Т.А. Базарова, «в начальные годы Санкт-Петербурга, когда была самая большая смертность работных людей, иностранцев (за исключением состоявших на царской службе специалистов и купцов) на берегах Невы не было»³⁸.

Первый же западноевропейский дипломат, вручивший свои верительные грамоты в Санкт-Петербурге, Юст Юль в 1710 г. сообщал, что при сооружении «Кроншлота» зимой погибло более 40 000 человек, а при строительстве крепости на Заячьем острове – не менее 60 000. В последующих публикациях эти суммы возрастают до астрономических значений. Но за первые десять лет количество присланных на берега Невы работных людей не превышало 300 000, а в росписях Канцелярии от строений повторяются «из года в год именные перечни одних и тех же работников, из одних и тех же мест, что доказало жизнь и деятельность их, а не смерть»³⁹.

Торжественное освящение новой крепости состоялось 7 мая 1704 г. В этот день, утром, Петр I, митрополит Новгородский и Великолуцкий Иов и соответствующая свита на нескольких судах отправились из Санкт-Петербурга к Котлину. Одновременно на флейте «Белькам» («Бельком») на новый форт доставили 14 6-фунтовых пушек – это первые из 48 орудий, предназначенных для его вооружения. «И в прибытие Его Великого Государя, тогда наречена оная крепость Кроншлот, сиречь коронный замок, и торжество при ней было трехдневное».

Петр лично написал инструкцию первому коменданту полковнику Трейдуну:

«Содержать сию ситадель с Божиею помощью, аще случится, хотя до последнего человека и когда неприятель захочет пробиться мимо оной, тогда стрелять, когда подойдет ближе, и не спешить стрельбою, но так стрелять, чтобы по выстрелянии последней пушки первая паки была готова и чтоб ядер даром не тратить».

Когда явятся нейтральные корабли под своими знаменами (котораго государства ни есть) и учнут приближаться к крепости, тогда в такой дистанции как мочно достать ядром стрелять без ядра, чтобы парусы опустил и якорь бросил; и буде онаго не послушает, то, мало погодя, стрелять ядро мимо корабля; и если того не послушает, то, дождався, стрелять как по неприятелю. Надлежит же разуметь, чтобы от первого до второго с небольшую четверть было времени, дабы мог успеть якорь бросить»⁴⁰.

³⁸ Базарова Т.А. Создание «парадиза». Санкт-Петербург и Ингерманландия в эпоху Петра Великого. СПб., 2014. С. 10.

³⁹ Петров П.Н. История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях: 1703–1782. СПб., 2004. С. 41.

⁴⁰ Морской сборник. 1869. № 10. С. 171–172.

Кроме того, Петр предостерегал: «Зело надлежит стеречься неприятельских брандеров⁴¹ [...] также и своего огня подобает опасаться, множества ради дерева». Ну не учитель ли, не мастер!

Через пять дней, 12 мая, Петр I издал указ, «чтобы новопостроенную крепость, которая на острове Котлине, никто каланчею и цитаделью не называли, а называли б Кроншлот». А спустя десять лет немецкий мастер Ф.Г. Мюллер изготовил медаль, на которой на немецком языке выбито название форта – Кроншлосс.

О том, как в точности выглядел первый кронштадтский форт, единого мнения у историков нет. Модель, изготовленная Петром, не сохранилась. Нет, а возможно и не было, чертежей, воспоминания очевидцев дают противоречивую картину. Немецкий путешественник в 1710 г. написал, что «Кроншлот» имеет «вид круглой башни в три яруса, снизу доверху обеспеченной пушками»⁴². В этом же издании приводятся слова пленного шведа Л.Ю. Эренмальма о том, что эта крепость «восьмиугольная»⁴³.

По мнению П.Н. Петрова, на искусственном острове возводили пятигранную башню с двумя рядами амбразур для крепостной артиллерии⁴⁴. Это предположение, как и утверждения, что башня была десятигранной, Т.А. Базарова ставит под сомнение, доверяя иностранным свидетельствам и исследованиям доктора исторических наук П.А. Кротова. Он считает, что достоверным изображением первого «Кроншлота» является гравюра Г. Боденера-старшего «Вид Петербурга и Ретусари», созданная около 1705 г. Однако при увеличении видно, что «Кроншлот» показан весьма условно и, главное, четырехгранным. При этом четко просматривается, что амбразуры показаны только в двух верхних ярусах.

*Вид Петербурга и Ретусари.
Гравюра Г. Боденера-старшего. 1705 г.*

Очень интересные материалы из архива Стокгольма введены в научный оборот Т.А. Базаровой. Она пишет: «Все землемерные планы незадолго до начала Северной войны из приграничных областей были вывезены в Стокгольм. Командование финляндской армии, силами которой велись военные действия в окрестностях Санкт-Петербурга, не имело возможности ими воспользоваться и было вынуждено спешно создавать новые. Несомненно, в первую очередь шведы стремились получить достоверную информацию об укреплениях Санкт-Петербурга и Кроншлота. Для этого в распоряжение русских войск засылались шпионы, допрашива-

⁴¹ Брандер – небольшое судно, наполненное горючими материалами, служившее для уничтожения неприятельских судов путем его поджога. В теории экипаж подводил брандер к неприятельскому судну, сцеплялся с ним и поджигал брандер, уходя на шлюпках. На практике все было гораздо сложнее.

⁴² Точное известие о крепости и городе Санкт-Петербург, о крепостце Кроншлот и их окрестностях // Беспятых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 55.

⁴³ Там же. С. 21.

⁴⁴ Петров П.Н. История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях: 1703–1782. СПб. 2004. С. 44.

лись пленные и перебежчики, расспрашивались местные жители. Некоторые из составленных в 1704–1708 гг. разведывательных чертежей невской дельты и острова Котлина с крепостью Кроншлот сохранились до наших дней»⁴⁵.

Первый вид «Кроншлота», который имеет в виду Т.А. Базарова, выполнен коричневой акварелью на обрывке листа. По ее мнению, это восьмиугольная крепость, но такой вывод не кажется убедительным, так как вполне возможно, что рисунок изображает шестиугольную крепость. В отличие от гравюры Г. Боденера-старшего, амбразуры изображены в трех ярусах, но есть еще и самый нижний ярус, в котором, по предположению Т.А. Базаровой, находились «казармы». Шатровая крыша с фонариком еще не построена, и флагшток с флагом галерного флота находится на втором ярусе, так что, судя по этому рисунку, высокая шатровая башня к лету 1704 г. не была еще построена. Флаг морских крепостей появится на изображениях «Кроншлота» позднее.

Г. Гюйссен сообщал о «Кроншлоте» в «Описании Санкт-Петербурга и Кроншлота в 1710-м и 1711-м гг.» (о котором чуть дальше):

«О КРЕПОСТЦЕ КРОНШЛОТ

От этого места, как уже упомянуто, начинается открытое море, или Финский залив; вследствие чего его царское величество и назначил быть здесь морской крепостце, которая заложена, если не ошибаюсь, в 1704 году под именем Кроншлота. Этот Кроншлот выстроен между Ингер-манландской стороной и сказанным островом Ретусари, на песчаной отмели среди моря, с целью преградить свободный доступ в Неву реку. Он имеет вид круглой башни в три яруса, которая вооружена снизу до верха пушками, и в нем, как летом, так и зимой, находится постоянный гарнизон. Мне сказывали, что этот форт сооружен русскими и что фундамент его сложен из ящиков с камнями, которые были погружены в воду зимой. Строение в нем деревянное и земляное; на вершине башни развевается большой флаг. Мысль форта не дурна; однако смысленные головы толкуют, что неприятельское судно, которое вздумало бы двинуться на всех парусах к реке, не много встретило в том помехи от упомянутой крепостцы, потому что из круглой башни нельзя делать по кораблю за раз более двух или трех выстрелов, тогда как, если бы крепостца имела форму треугольника, то с нее можно было бы залпами, из десятидвенадцати выстрелов, успешнее задерживать проходящие суда и совсем их истреблять»⁴⁶.

«Смысленные головы», мнение которых приводит автор, не совсем правы. Именно форма десятигранника позволяла стрелять по проходящему мимо кораблю «залпами из десяти или двадцати выстрелов».

На «Кроншлоте» службу несла постоянная «команда, состав которой летом, в первые годы, часто менялся в зависимости от близости неприятельского флота. По закрытии же навигации оставался лишь постоянный кадр из одного поручика и 22-х артиллерийских служителей».

Форт «Кроншлот» прославился еще и тем, что здесь в 1707 г. начали вести наблюдения за уровнем моря. Правда, первые наблюдения относятся к 1703 г., году закладки новой столицы. В 1731 г. футшток установили в Средней гавани Кронштадта, а в 1752-м на Котлине открылась первая в России гидрографическая станция, которая вела постоянные наблюдения за уровнем моря.

Все сведения по этому вопросу (о начале заселения Котлина и постройках) должны были сосредотачиваться в Канцелярии ингерманландского губернатора, князя Меншикова. Она помещалась в деревянном доме князя на Васильевском острове. 22 декабря 1716 г. зда-

⁴⁵ Базарова Т.А. Создание «парадиза». С. 80.

⁴⁶ Беспятовых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 56.

ние это сгорело до основания вместе со значительным количеством архивных дел, успевших уже накопиться к этому времени. Вследствие этого, когда в январе 1723 г. кабинет Его Величества требовал для составления истории ведомостей о времени производства ранних работ, сенатская канцелярия и канцелярия петербургского гарнизона отзывались совершенным невведением первоначальных работ как в Петербурге, так и на Котлине ⁴⁷.

⁴⁷ Елагин С. Начало Кронштадта. СПб., 1866. С. 23.

Остров Котлин и продолжение Северной войны

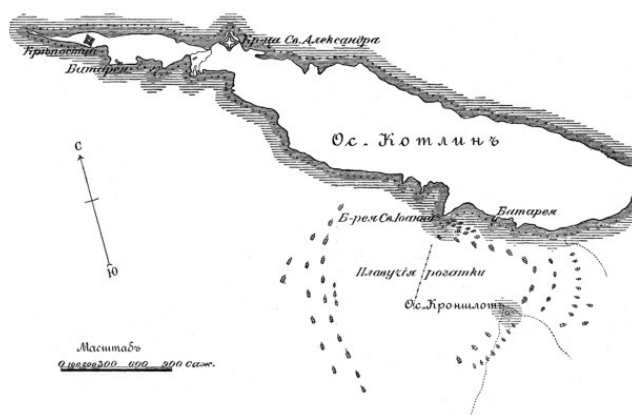
Однако одного «Кроншлота» для обороны фарватера было недостаточно, и на южном берегу Котлина в 1704 г. построили земляную временную батарею. Названная Старой (позднее – Андреевской), она размещалась напротив форта «Кроншлот». На западной оконечности острова, на том месте, которое мы сейчас называем рифом косы, и на самой Котлинской косе, размещался полк полковника Толбухина, в задачу которого входили наблюдение за Финским заливом и оборона острова при высадке неприятельского десанта.

В дополнение к орудиям «Кроншлота» и котлинской батареи к началу лета 1704 г. у «Кроншлота» собралось более 40 полугалер, спешно построенных на притоках Ладоги.

Приготовления русских к обороне были не напрасны, так как уже 9 июля 1704 г. с западной оконечности острова Котлин наблюдатели полка Толбухина обнаружили на западе паруса шведских кораблей – эскадру вице-адмирала Я. де Пру (де Пруа) в составе линейного корабля, пяти фрегатов, шести бригантин и вспомогательных судов (всего около 40 вымпелов).

Одновременно по северному берегу залива на строящийся Петербург наступал корпус генерал-майора И.Г. Майделя, в июле шведы подошли к Петербургу, и Майдель начал стрелять «шведским лозунгом». Он уведомлял де Пру о намерении атаковать Петербург⁴⁸.

Шведский десант на 50 шлюпках предпринял атаку Котлина 12 июля, но подойти вплотную к берегу они не смогли из-за мелководья, им пришлось высаживаться в воду. Находившиеся на берегу солдаты полка Ф.С. Толбухина встретили десант плотным ружейным огнем, заставив противника спешно отступить.

Шведские корабли у форта «Кроншлот». 1705 г.

Тогда шведские корабли начали артиллерийский обстрел «Кроншлота» и Котлина, который продолжался почти двое суток, но ни одна бомба в форт не попала, «понеже та крепость малая, а шведские бомбардирные корабли стояли на дальнем расстоянии и невозможно никоим образом с корабля в него трафить»⁴⁹. Не добившись результата, шведы ушли на запад.

Ближе к зиме русские корабли ушли в Петербург, орудия с островных батарей перевезли на «Кроншлот», где гарнизон оставался в полной боевой готовности. В конце января 1705 г. шведский отряд численностью 1000 человек под командованием Карла Арнфельда с северной стороны по льду подошел к Котлину. Проводник то ли по ошибке, то ли сознательно, повторив подвиг Ивана Сусанина, провел шведов мимо Котлина. Спohватившись, шведы повернули

⁴⁸ Шелов А.В. Исторический очерк крепости Кронштадт. С. 21.

⁴⁹ Тимченко-Рубан Г.Н. Первые годы Петербурга. СПб., 1901. С. 109.

обратно, но их обнаружил гарнизон «Кроншлота». Атаковать форт они не решились и лишь сожгли несколько деревянных домов на острове.

*Корабли Балтийского флота у о. Котлин.
Лето 1705 г. Художник А.А. Тронь*

Однако шведский историк Г. Адлерфельд, камергер Карла XII, так описывает эту атаку, называя при этом «Кроншлот» замком: «Особенно темная ночь была причиной тому, что проводник заблудился на этой снежной равнине и провел отряд значительно позади замка. Русские узнали о нашем плане, что дало им возможность подготовиться к обороне и направить в замок 500 человек подкрепления. Тогда же вся кавалерия и пехота, остававшиеся на острове, построились в боевой порядок в новом городе Кронштадте и во дворце Царя для отражения нашего штурма. Арнфельд, зашедший слишком далеко для возвращения без результатов, не смутился от плохого начала операции и повернул к острову, атаковав врага с такой смелостью, что заставил очистить город.

*Морской полк на о. Котлин. 1705 г.
Художник А.А. Тронь*

Неприятельская кавалерия спаслась бегством, но пехота не могла избежать поражения; бросившись к замку, она была застигнута на льду и изрублена на куски под самыми пушками форта. Гарнизон последнего сделал вылазку, но был встречен не хуже, и его преследовали в рукопашном бою до рогаток и проруби во льду, шириною в три тоаза⁵⁰, которой неприятель окружил форт. Арнфельд хорошо видел, что не может ничего сделать против замка; он вер-

⁵⁰ Французская мера длины, равная 2 м.

нул в город, где сжег затертые во льду корабли, вооруженные 20–30 орудиями, и захватил множество боевых и продовольственных припасов, обратив в пепел магазины, дворец Царя, значительное количество домов, судов и других построек русских»⁵¹.

Комментируя этот шведский вариант, А.В. Шелов пишет: «Набег этот, вероятно, был, потому что в письмах Петра Великого проскальзывают намеки на зимнее нападение шведов. В Кронштадте сохранилось предание, что шведы были зимой, но, как увидим дальше, самое название Кронштадт город получил в 1723 году, начал же он строиться в 1712-м, а дворец позже. Суда зимовали в Петербурге, орудия же свозились в Петербургское адмиралтейство или на Кроншлот. Портовые сооружения начали устраивать значительно позже. Поэтому смело можно сказать, что в зиму 1704–1705 года Котлин представлял из себя пустыню»⁵².

К.И. Крюйс

Осенью 1704 г. Петр назначил командовать Балтийским флотом К.И. Крюйса. Корнелиус Крюйс (1655–1727), голландец по национальности, поступил на русскую службу в 1698 г. Именно благодаря его усилиям флот и оборона Котлина в кратчайшие сроки приобрели все необходимые и соответствующие задачам качества. Одним из первых предложений Крюйса, которое он изложил в письме от 21 мая 1705 г. Петру I, состояло в необходимости упорядочения взаимодействия между лицами, отдающими распоряжения по флоту⁵³. Находясь у Котлина на корабле «Дефам», К. Крюйс уделяет все свое время заботам о вверенном ему важнейшем деле. Вице-адмирал К. Крюйс в 1717 г. стал первым вице-президентом высшего органа управления флотом и военно-морским ведомством – Адмиралтейств-коллегии. В 1721 г. по случаю заключения Ништадтского мира произведен в адмиралы.

Среди многих писем К. Крюйса, хранящихся в РГАВМФ, имеются донесения о боевых действиях против шведов, распоряжения о расстановке на Котлине круглосуточных караулов, о необходимости укрепления острова системой береговых батарей и устройства заграждений с помощью перегораживания фарватера брандерами или плоскодонными судами, оборудованными артиллерией, о «присылке на флот вина и пива для поддержания здоровья личного состава и его употребления в лечебных целях для раненых, о своевременной выплате жалования». Но есть одно, адресованное Ф.М. Апраксину 16 июля 1705 г. и заслуживающее особого

⁵¹ Шелов А.В. Исторический очерк крепости Кронштадт. С. 23.

⁵² Там же. С. 24

⁵³ РГАВМФ. Ф. 234. Оп. 1. Д. 2. С. 2.

внимания, где Крюйс пишет, что «он действовал бы лучше, если бы при адмиралтейских делах не были все воры»⁵⁴.

В конце апреля Балтийский флот вышел из Петербурга и расположился между Котлином и фортом «Кроншлот». 24 мая сюда же прибыл вице-адмирал К. Крюйс, которому «Кроншлот» салютовал семью выстрелами. Зная о шведских приготовлениях, Крюйс собрал военный совет с участием капитанов кораблей и береговых командиров. Прежде всего решили провести рекогносцировку, чтобы определить необходимые места для артиллерийских батарей. Для начала требовалось «взметать» батарею на небольшом мысу северо-западнее «Кроншлота» (напротив нынешнего форта «Император Петр I»). Ее строительство поручили сыну К. Крюйса – Ивану, который командовал шнявой «Де Гас». А.В. Шелов предположил, что именно поэтому батарею называли Ивановской⁵⁵. Правда, в некоторых источниках фигурирует другое название – Св. Яна или Сант-Яна.

Тогда же Толбухин установил на косе батарею из трех полевых пушек «фронтом на запад под именем Толбухиной № 1». На Ивановской батарее 1 июня установили четыре 6-фунтовые пушки. Кроме того, «Кроншлот» защищали восемь 24-пушечных фрегата, пять 12-пушечных шняв, два брандера, бригантины и другие небольшие суда. Фрегаты поставили между Ивановской батареей и «Кроншлотом» в линию, которая от батареи шла почти параллельно берегу, потом поворачивая к «Кроншлоту». На флангах линии поставили по две галеры и по одному брандеру, во второй линии стояли шнявы и часть бригантин. Для защиты от шведских брандеров впереди первой линии установили плавучие рогатки.

Всего «Кроншлот» защищали около 5150 человек, включая судовые команды, гарнизон форта, полки Толбухина и Островского, а также артиллеристов на батареях. На Ивановской батарее имелось 4 орудия, Толбухиной – 3 и на Старой – предположительно 4, на «Кроншлоте» – 14.

На рассвете в понедельник 4 июня 1705 г. шнявы «Св. Яким» и «Де-Гас», находившиеся в дозоре, выстрелами дали знать о приближении шведского флота. В семь часов утра противник бросил якоря в пяти верстах от «Кроншлота». Под командованием адмирала К. Анкерштерна, вице-адмирала Я. де Пруа и шаутбенахта⁵⁶ К. Шпара (Спарре) пришли 22 вымпела: «13 кораблей, два фрегата, два бомбардирских корабля, один галиот, два с провиантом и один для хворых людей». Всего на судах насчитывалось 336 орудий и 2340 человек судовых команд.

Около 10 часов утра шесть кораблей приблизились к линии плавучих рогаток, но были встречены огнем Ивановской батареи и артиллерии галер, заставивших неприятеля отступить. Тогда Анкерштерн разделил свою эскадру на три части. Де Пруа с фрегатами и мелкими судами отправился к южному берегу Финского залива, где высадил десант, который сжег два дома и взял в плен «несколько голов скота». Затем де Пруа присоединился к основным силам.

К. Шпар с тремя кораблями приблизился к Котлинской косе, и их артиллерия начала обстреливать риф. Анкерштерн с остальным флотом двинулся к нашей передовой линии, но через некоторое время отступил. По словам пленных, Анкерштерн принял наши плавучие рогатки за мачты затопленных судов и решил атаковать Котлин с суши.

На следующий день, 5 июня, в 8 часов утра весь неприятельский флот подошел к нашим кораблям и, став на якорь, открыл огонь «бомбами и горючими ядрами», вероятно, брандскугелями. Русские корабли, вооруженные 6-фунтовыми пушками, отвечать не могли в силу малой дальности стрельбы этих пушек. Пока главные силы шведов обстреливали наш флот, шаутбенахт Шпар подошел со своей эскадрой к Котлинской косе, как раз к тому месту, где находились полки Толбухина и Островского. Шведские корабли открыли артиллерийский огонь по берегу,

⁵⁴ РГАВМФ. Ф. 234. Оп. 1. Д. 2. Л. 33.

⁵⁵ Шелов А.В. Исторический очерк крепости Кронштадт. С. 25.

⁵⁶ Шаутбенахт – звание, соответствующее контр-адмиралу.

который никакого вреда русским не причинил. «В одиннадцатом часу среди пушечного дыма шведы в ботах и шлюпках подошли к самой косе, и 128 гренадер уже вышли на берег; тогда Толбухин приказал своим людям подняться и открыл огонь из пушек и ружей. Неожиданность и меткость огня смешали неприятеля; он бросился обратно на суда, оставив на месте до 40 убитых и более 30 пленных, по словам которых, они потеряли в этом деле более 300 человек. В замешательстве боты и шлюпки опрокидывались, и много шведов потонуло»⁵⁷. Вечером того же дня на Ивановской батарее установили еще три 12-фунтовых орудия.

Но шведы не думали отступать – на следующий день они обстреливали нашу эскадру, Ивановскую и Старую батареи. К. Крюйс писал Р.В. Брюсу: «...и не можем мы того отвратить, потому что их бомбардирские корабли не только в линии, но и позади их воинских кораблей стоят, до которых нашими 6-фунтовыми пушками, к тому же слабым порохом, не можем достать или им какой знатный вред причинить».

Как пишет А.В. Шелов, «огонь был жестокий, но Господь не покидал защитников Кроншлота». Утренний слабый ветер с севера шведской стрельбе не мешал – одна бомба упала на палубу галеры «Св. Петр», но, к счастью, не взорвалась. И вскоре ветер перешел «в свежий западный – бомбардирские суда раскачало, и лишняя стрельба сделалась безвредной».

К. Крюйс прекрасно понимал, какую опасность несет настойчивость шведов. Осмотрев «Кроншлот» и Ивановскую батарею, созвал очередной совет и сказал офицерам простые, но важные слова: «Надобно победить или умереть». «Офицеры обещали и сдержали слово».

К. Крюйс докладывал Р.В. Брюсу: «...здесь довольно есть куражу или смельства, но есть токмо недостаток в способах. Ежели б я еще шесть добрых 18-фунтовых пушек да две добрых гаубицы на моих батареях имел, то чаял бы неприятеля принудить вскоре от бомбардирования своего пристать»⁵⁸. На следующий день Р.В. Брюс прислал К. Крюйсу две мортиры и две 18-фунтовые пушки для установки на Ивановской батарее, а 9 июня еще шесть больших пушек, две мортиры и сто пудов пороху. Все орудия были оперативно установлены на батареях.

Настойчивые шведы 10 июня снова подошли к нашим позициям и начали пальбу, которая не отличалась точностью. Правда, одна бомба попала в сруб «Кроншлота» и «взорвалась таково, что весь Кроншлот потрясся». Стрельба русских артиллеристов была более меткой: «Будто из мушкетов, – писал К. Крюйс, – и нам часто можно слышать, как ядра в корабли неприятельские щелкали». Вскоре ветер стих, и Крюйс приказал галерам, «ходившим под веслами», атаковать шведские бомбардирские суда, так как они были наиболее опасны из-за своей артиллерии. От огня наших галер вскоре с них «щепа вверх полетела», и шведы отвели свои суда шлюпками. Тогда галеры перенесли огонь на корабль К. де Пруа, заставив отойти на прежнюю позицию в пяти верстах от «Кроншлота». Ночью они ремонтировали свои корабли, а с косы «видели, что на одном из кораблей семь заплат поставили». Наши потери составили 13 человек убитыми и 19 ранеными.

На следующий день на Котлин привезли из Петербурга гаубицу и несколько мортир, которые скрытно поставили в лесу, создав тем самым батарею, названную Лесной.

Петербургский комендант Р.В. Брюс 15 июня приехал к К. Крюйсу в гости. После хорошего обеда Крюйс пригласил его на Ивановскую батарею. Неприятель в это время «был в великой прохладе и увеселении, на литаврах и трубах довольно играя». Неожиданно для них Ивановская батарея сделала два выстрела, одним из которых сбило с кормы адмиральского корабля «разные галдарей», затем открыла огонь Лесная батарея, о которой шведы еще не знали. «Неприятель пришел в неизреченную конфузию и альтернацию», и шлюпки оттащили корабль из-под огня русских пушек.

⁵⁷ Шелов А.В. Исторический очерк крепости Кронштадт. С. 28.

⁵⁸ Шелов А.В. Исторический очерк крепости Кронштадт. С. 29.

Усиление обороны Котлина продолжалось. К полковнику Толбухину прибыл поручик артиллерии Гильсон с 12 6-фунтовыми пушками, доставив при этом по 150 картечей и 300 ядер на каждое орудие. Из этих пушек две установили на батарее Толбухина № 1, а из десяти остальных сформировали батарею Толбухинскую № 2. К «Кроншлоту» 21 июня прибыли два бомбардирских шмака⁵⁹, и Крюйс тотчас дал галерам сигнал атаки. Шведский флот, увидев наступающие галеры и шмаки, ушел в море, и этим пока закончились попытки шведов овладеть «Кроншлотом».

Боевые действия возобновились через месяц. К этому времени оборона Котлина значительно усилилась. 10 июля на северном фарватере появились три шведских фрегата и две шнявы. Произведя рекогносцировку, они сделали два залпа по батарее Толбухина № 2, которая учинила им «добрый ответ». Через день шведские шнявы вернулись и делали промеры северного фарватера. Понимая, что шведы готовят серьезную атаку, Крюйс приказал Толбухину и Островскому сделать «транжамент», то есть ретраншемент⁶⁰. А на совете Крюйс сказал офицерам, чтоб, когда неприятель будет приближаться, «себя в явь не казать, а открыть пальбу только когда будут у берега». 14 июля на рассвете неприятельский флот в количестве 24 выпелов приблизился к Котлину. Они подошли так близко, насколько позволяла глубина. Передовым был адмиральский корабль – по нему и сделали первый залп русской артиллерии, который пробил борт почти по самой ватерлинии. Началась обоюдная пальба: «Неприятель начал всею своею силою, из верхних и нижних пушек, с обеих сторон с кораблей против острова стрелять, на что наши, как добрые солдаты, им ничем должны не остались».

Огонь береговых батарей оказался настолько сильным, что вскоре шведы отступили для «починки» адмиральского корабля, а вперед выдвинулись бомбардирские корабли, составлявшие тогда главную силу в борьбе флота с берегом. Обстрел косы продолжался до 11 с половиной часов утра. После этого от эскадры отделились мелкие суда и быстро пошли к берегу. По мере их приближения к косе огонь со шведских судов прекращался, чтобы не уничтожить свой же десант. Это позволило батареям и пехоте Толбухина спокойно стрелять по шведским шлюпкам. Им пришлось остановиться у мели, находившейся в сфере ружейного огня русских, но по пути к берегу глубина увеличивалась, и шведам подчас приходилось идти по горло в воде. Некоторые тонули, а «наших полков солдаты, не утерпя, начали палить залпами и неприятеля побили». Батареи в то же время били картечью, и неприятель пришел «в полную конфузю». Крюйс доносил царю: «...нашими солдатами выловлено из моря 330 шведов, побитых и потонувших; ныне достали еще 90 тел; взято в плен семь офицеров и до 60 рядовых»⁶¹. Наши потери составили 29 человек убитыми и 540 ранеными.

В августе «в 18-й день явился шведский флот, и посланы были наших 7 галер, в 19-й день был великий бой с 3-го часа; и за погоду галеры поворотились назад, а корабль в море...».

Это было последнее «серьезное дело» на Котлине, тоже проигранное шведами, потому что они дали нам время вооружить батареи, и, самое странное, они не знали местности, которой владели около 200 лет. Шведские корабли еще несколько раз появлялись на горизонте, но, видя готовый к отпору флот, атаковать не решались.

Больше ни в этом, ни в последующих годах шведы не предпринимали попыток атаковать Котлин и «Кроншлот». Однако в 1706 г. такая опасность еще существовала, и Крюйс в своих донесениях и письмах Петру I неоднократно отмечал необходимость усиления обороны острова, в частности, постройки укрепления, рассчитанного на размещение постоянного гарнизона в 1500 человек, и сооружения вблизи «Кроншлота» еще одной морской крепости. К.

⁵⁹ Шмак – грузовое судно длиной 25–27 м, вооруженное орудием крупного калибра.

⁶⁰ Ретраншемент – сооружение, расположенное позади главной позиции обороняющихся.

⁶¹ Шелов А.В. Исторический очерк крепости Кронштадт. С. 36.

Крюйс справедливо считал, что это позволит освободить «корабельный флот от исключительной обязанности оборонять устье Невы и даст ему возможность действовать активно».

Но еще одна морская крепость – «Цитадель» – будет построена позднее, а пока, к лету 1706 г., на косе, на месте Толбухинской батареи № 2, построили крепость Св. Александра, позднее получившую название «Александр-шанц». Руководил постройкой полковник Толбухин, назначенный комендантом «Кроншлота» (до этого комендантом был полковник Трейден) и Котлина. Крепость имела в плане форму квадрата с четырьмя бастионами с полигонами в 170,7 м, ее земляной вал возвышался над окружающей местностью на 4,27 м. Тогда же временные батареи южного берега острова Котлин перестроили в долговременные. Таким образом, здесь образовалось единое укрепление, орудия которого вместе с «Кроншлотом» перекрестным огнем перекрывали фарватер.

При крепости Св. Александра построили казармы для размещения гарнизона, а с юго-западной стороны поставили церковь. Ее срубили на Олонецкой верфи и доставили на Котлин в разобранном виде. 16 июня 1706 г. ее в присутствии Петра I торжественно освятили во имя Преображения Господня, и «веселились довольно на Котлине острову»⁶².

Но одной церкви было недостаточно – по данным А.В. Шелова, в 1708 г. на Котлине насчитывалось служилых 13 681 человек⁶³. Поэтому вопрос о второй церкви оказался весьма насущным. Но лишь в 1717 г. на берегу строившегося канала (о канале чуть дальше) построили церковь, которую 13 июня 1718 г. освятили во имя святого апостола Андрея Первозванного. Но место для церкви выбрали неудачно, так как она мешала строительству канала, и ее временно разместили в одном из губернских домов. Андреевский собор, первый каменный в Кронштадте, будет заложен 6 марта 1806 г. При перестройке крепости Св. Александра в 1739 г. решили церковь снести, так как она располагалась на предполагаемом «прикрытом пути»⁶⁴, но она простояла до конца XVIII в., а затем, как пишет Шелов, «следы ее исчезли».

Однако далеко не все шло гладко. Вице-адмирал К. Крюйс подчинялся петербургскому обер-коменданту Р.В. Брюсу, которому также подчинялись и сухопутные части. Крюйс тяготился этим подчинением, так как личные отношения с Брюсом у него не сложились. В военных вопросах сухопутные и морские подразделения действовали слаженно, но в мирных постоянно происходили мелкие недоразумения. Например, Крюйс в 1707 г. жаловался на то, что Толбухин взял у него лес на строительство крепости Св. Александра, затем на то, что он не дал рабочим «запасов продовольствия». В следующем году он спрашивал адмирала Апраксина: «Какую команду мне иметь над Кронштадтским комендантом, над полковником Толбухиным, над полуполковником Островским и над их солдатами?». На это Апраксин отвечал: «С генерал-майором Брюсом извольте иметь общее согласие, чтобы не учинилось повреждения интересу Царского Величества; а без него над Котлином, крепостью Св. Александра и Кроншлотом извольте иметь команду». То есть гарнизон на Котлине одновременно подчинялся вице-адмиралу К. Крюйсу и петербургскому обер-коменданту. Такое двоевластие было характерно для Кронштадта на протяжении всей его истории и частенько отрицательно сказывалось на жизни города и крепости.

Но вскоре передышка в Северной войне закончилась, и шведские войска вторглись на территорию России. 27 июня 1709 г. русская армия под Полтавой одержала великолепную «викторию», и уже 2 ноября того же года Петр приказал строить на Котлине «гавань, пристани и магазейны». Это обуславливалось еще и тем, что зимовка флота в Петербурге представляла большие затруднения. Корабли оставляли на Котлине каменный балласт и облегченные вхо-

⁶² Шелов А.В. Исторический очерк крепости Кронштадт. С. 48.

⁶³ Там же. С. 46.

⁶⁴ Прикрытый путь – стрелковая, а иногда артиллерийская позиция за гребнем контрэскарпа, прикрытая бруствером glacis; служит и для закрытого передвижения войск и часовых.

дили в Петербургскую гавань, причем «нередко случалось, что корабли протаскивались через вежи поочередно соединенными усилиями команд нескольких судов». К этим проблемам мы еще вернемся в одной из следующих глав. Видимо, в это время у Петра I и возникла идея построить на острове Котлин главную часть города – Новый Амстердам.

1710 г. примечателен тем, что русские войска овладели Выборгом, Ригой и крепостью Динамунд. Задачи флота осложнились необходимостью «оберегать» эти новые приобретения, для чего часто приходилось покидать «Кроншлот», оставляя его «своим собственным силам».

Первое иностранное судно пришло к острову Котлин в 1708 г., но, пока не оборудовали гавани и причалы, иностранные гости были весьма редкими. В 1709 г. началась постройка на ряжемом основании мола (в некоторых источниках – пристани), перпендикулярно берегу острова по направлению к «Кроншлоту». Зимой пленные шведы собирали по острову камни для строительства пристани, которую оборудовали в 1710 г., но она «мало выведена в море, почему летом обмелела». На оконечности мола поставили батарею из 12 пушек и 2 шмаговиц⁶⁵. Пристань решили продлить до глубины 9 футов, для чего «прибавили 70 сажень, да взаворот кривизны 30 сажень». А.С. Меншиков писал Петру, что «пристань в прошлом году обмелела, и потому вывод кораблей был труден, а теперь как сделаем, то не только торговым судам, но кораблям воинским приставать можно будет».

Как уже отмечалось, в начале 1710-х гг. Толбухин назначается комендантом «Кроншлота» вместо Трейдена, получившего новое назначение. Тогда же Островский стал «особым комендантом крепости Св. Александра», о чем, по словам Шелова, свидетельствовала надгробная плита, лежавшая на его могиле вблизи «Александр-шанца». Увеличение количества сухопутных войск на Котлине потребовало введения должности коменданта всего острова. Первым назначили бригадира Порошина, которому подчинялись коменданты «Кроншлота» и «Александр-шанца».

Первое описание острова Котлина и сооружений на нем составлено на немецком языке автором, скрывшимся под криптонимом Н. Г., и издано в Лейпциге в 1713 г. Фрагменты этой книги впервые опубликованы на русском языке в 1844 г. в переводе Н.В. Калачева. Ю.Н. Беспятых считает обоснованным мнение известного историка П.Н. Петрова, считавшего, что автором этой рукописи является барон Генрих Гюйссен, дипломат, состоявший на службе Петра I⁶⁶.

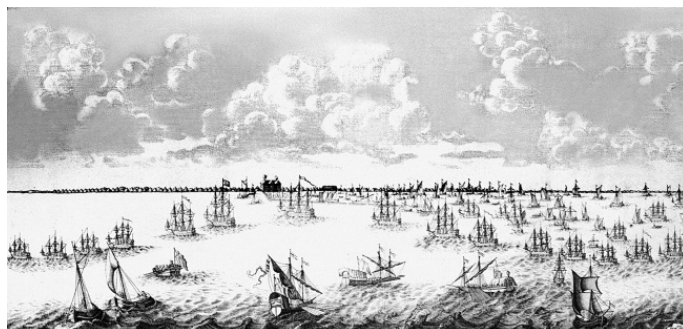
Рукопись называется «Описание Санктпетербурга и Кроншлота в 1710-м и 1711-м гг.» и в 1860 г. издана Императорской Публичной библиотекой «в небольшом количестве экземпляров». В 1882 г. журнал «Русская старина» перепечатал это произведение, фрагменты именно из этого издания и приведены ниже.

«ОПИСАНИЕ ОСТРОВА РЕТУСАРИ

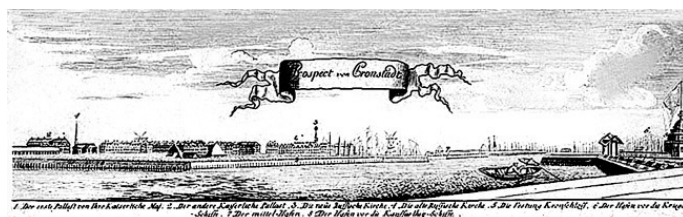
Он довольно велик, но имеет более протяжение в длину, чем в ширину, и лежит уже в самом Балтийском море, или, как иначе его здесь называют, Финском заливе. Это тот остров, который, как выше сказано, был занят русскими при самом первом их здесь утверждении. На южном его берегу находятся разные дома, как то: царские запасный двор и кабак, дома генерал-адмирала, вице-адмирала и некоторых флотских офицеров. На этом же берегу две батареи о 10-ти или 12-ти пушках. На северо-западном берегу построен шканец, называемый, по имени князя Меншикова, Александровским и защищающий остров с северной стороны.

⁶⁵ Шмаговица – тип пушки малого калибра.

⁶⁶ Беспятых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. С. 36, примеч. 11.

*«Прошпект российского флота при острове Котлине 31 мая 1715 года».
С гравюры П. Пиккарта*

Вид Кронштадта. С гравюры XVIII в.

Еще замечательны на берегу два огромные старые дуба – большая редкость в этих местах. Его царское величество с первой минуты своего утверждения на острове содержит их в особом почете и приказал обнести полисадником, а в тени их устроить маленькую сквозную беседку, откуда прекрасный вид на море и в которой он пирует летним временем. На тот же конец в одном из дубов вырублен, по приказанию царя, небольшой створчатый поставец, для стаканов и тому подобного. Все это со временем, если будет сохранено, составит достопамятную редкость. (Существование двух дубов и вокруг них круглого стола с перилами и скамейками, на которых Петр в летние свои приезды сиживал с тамошними начальниками и корабельщиками, подтверждается и в известных „Анекдотах“ Штелина (№ 50-й), но в 1750 году уже ничего этого не было; по крайней мере Богданов в описании „достопамятностей“ Кронштадта о дубах не упоминает. – Прим. изд. Публ. библ.)».

Остров Котлин. Рисунок А. Ростовцева. Около 1717 г.

Постоянные торговые операции с иноземными купцами на Котлине начались в 1716 г. Количество прибывающих кораблей постоянно увеличивалось. Так, 14 июля 1718 г. в Купеческую гавань прибыли «25 английских, 6 голландских, французский да двух флагов не разобрали»⁶⁷. Но Нева постоянно выносила в залив песок, который формировал так называемый бар, делавший устье Невы непроходимым для крупных судов. Поэтому для доставки грузов в Петербург требовались мелкосидящие суда. В первые годы порта на Котлине это были эверсы⁶⁸, которые могли получить все желающие заниматься перевозом товаров. Но в связи с приходом иностранных судов возникла необходимость в организации таможни, что и было утверждено указом Петра I от 22 мая 1720 г., в котором говорилось: «...у которых шкиперов, матросов на приходящих купеческих кораблях в кронштадтский порт и Санкт-Петербург будут какие-либо товары и о тех товарах брать у них в таможнях расписки, и по тем росписям, осмотрев и переписав, продавать их с кораблей, кому они похотят при той продаже брать с них пошлину по торговому уставу Одну только ввозную, а за разную и лавочную продажу другой пошлины не брать»⁶⁹.

«Новый Кроншлот»

Однако кроме шведов «Кроншлоту» доставляли неприятности наводнения, случавшиеся регулярно. Но перестройка первого форта крепости назрела давно и не только из-за наводнения. Требовалось увеличить гавань форта, так как количество прибывающих торговых судов возрастало с каждым годом. Судно голландского шкипера Wybesa стало первым, в ноябре 1703 г. оно доставило в Санкт-Петербург вино и соль, за что шкипер получил 500 золотых – награду,

⁶⁷ Цит. по: Соколов А.К. Кронштадт: история длиною в 300 лет. М., 2004. С. 100.

⁶⁸ Эверс – небольшое грузовое парусное судно.

⁶⁹ Дорогов, мичман. Исторический очерк и описание Кронштадта. СПб., 1908. С. 10.

назначенную Петром еще в мае 1703-го. А 22 июня 1715 г. в Кронштадте Петр устроил торжественную встречу 45 голландских и английских судов.

В 1719 г., когда военные действия Северной войны еще продолжались, в Кронштадтский порт пришло более 100 иностранных судов. При этом уже началось разделение порта на Котлине на торговый и военный. Хотя Петр утвердил порт еще в 1704 г., а в 1722-м учреждена должность главного командира военного порта, но числилась она в штатах флота и на нее назначали флагманов флота. Эта должность существовала до 3 июня 1917 г.

Генерал-адмирал Ф.М. Апраксин

О начале работ на «Кроншлоте» капитан Э. Лейн доложил адмиралу Ф.М. Апраксину 4 декабря 1715 г. Форт «Новый Кроншлот» представлял собой «вытянутый пятиугольник бастионного начертания. Башня, расположенная в юго-восточном углу, была окружена анвелопой⁷⁰ на срубках. Все фронты – рубленые стенки на ряжевых основаниях с брустверами и батареями – образовывали просторную внутреннюю гавань с тремя воротами для входа кораблей»⁷¹. По данным РГАВМФ, которые приводятся в книге Б.А. Розадеева и др. («Кронштадт. Архитектурный очерк»), первоначально имелись только одни ворота, еще двое ворот сделали позднее.

Строительством «Нового Кроншлота», как и других сооружений на Котлине, руководил Э. Лейн. Начать работы планировалось 5 декабря 1715 г., но зима в тот год выдалась теплой, и лед у «Кроншлота» был еще недостаточно толстым. В начале января 1716 г. Э. Лейн докладывал Апраксину: «Нового Кроншлота срублено выше воды восемь аршин, и ныне оные срубы всеми людьми и лошадьми возят на лед». Здесь Лейн приводит другой способ установки ряжей, который также применялся при строительстве фортов: ряжи рубили не на льду, а на берегу, и к месту установки подвозили «всеми людьми и лошадьми». К лету 1716 г. между будущими бастионами форта построили куртину, обращенную к морю. Работы продвигались крайне медленно из-за нехватки людей, большая часть которых трудилась на строительстве гаваней. Лишь в мае 1724 г. стольник М.М. Самарин, назначенный главным распорядителем работ на Котлине, сообщил царю, что «боль-верки в Кроншлоте и линии все сделаны».

⁷⁰ Анвелопа – наружная вспомогательная постройка в крепостях, предназначенная для прикрытия эскарпных стен сухих рвов и главного вала крепости от разрушения артиллерийским огнем.

⁷¹ Раздолгин А.А., Скориков Ю.А. Кронштадтская крепость. Л., 1988. С. 45.

В дополнение к крепости Св. Александра 22 июля 1717 г. заложили новый редут. Комендант Котлина бригадир Порошин писал А.Д. Меншикову: «А помянутого редута сделано мерою сажень с 30, а в вышину от земли выложено дерном в 1 ¼ аршин, а для работы людей дано драгун и солдат 80 человек».

Однако ситуация на «Кроншлоте» оказалась непростой. Остро не хватало не только артиллерийских обер-офицеров, но и унтер-офицеров. В апреле 1717 г. Брюс послал на остров майора Витвера, заведывающего⁷² Петербургской гарнизонной командой, и с ним штык-юнкера, капрала и 14 человек канониров и фузилеров. При этом он просил Порошина подчинить Витверу всех артиллерийских служителей, находившихся на Котлине и Кроншлоте, а также задействовать на работы арестантов. Витвер очень много сделал для восстановления боеспособности Кроншлота и всех батарей на косе, которые к тому моменту находились в плохом состоянии. Причем все работы ему приходилось выполнять с ограниченным числом помощников. Он докладывал, что «двое умерли, один артиллерийский ученик отпущен по болезни, а штык-юнкер отпросился на три дня в Петербург и не возвратился, говоря, что генерал-фельдцейхмейстер не отпускает». Вот еще одно свидетельство тяжелых условий, в которых создавался Кронштадт: «Кронштадтского гарнизона пушкар, которые ныне у нас есть, и у оных никакого ружья и мундиров нет, и ходят как мужики».

В начале 1720-х гг. сформировались правила для всех судов, находящихся в гаванях: «Огонь решительно запрещается на всех судах и разрешается только с позволения командира брандвахты, притом выдается в фонаре с особенным караульным из так называемых „огневых“ под расписку шкипера судна или его помощника. Огонь на судне разводится и тушится в присутствии „огневого“, который должен доложить командиру брандвахты, когда огонь потушен. Так что на брандвахте во всякое время имеются точные сведения о всех судах, на которых дозволен огонь. За самовольное разведение огня со шкипера судна взимается штраф от 60 до 150 рублей, который удваивается в случае повторения.

Кушанье для команд и капитанов судов, находящихся в гавани, варят в особой устроенной городом кухне, находящейся в гавани под надзором огневого и под присмотром командира брандвахты и его помощников.

Курить дозволяется только в караульном доме на брандвахте и за гаванью, у бочек, поставленных на рейде. Ни на судах, ни в гавани курить нельзя под опасением штрафа. При взимании штрафа одна четверть выдается доносителю»⁷³.

Такие строгости были вызваны тем, что все строения на острове были деревянными, как и флот, поэтому опасность пожаров присутствовала постоянно, и принимаемые превентивные меры далеко не всегда помогали избежать последствий.

Например, загадочная история произошла с 64-пушечным линейным кораблем «Нарва» в 1715 г. Корабль, построенный в Санкт-Петербурге, готовился к походу в Балтийское море, но в ночь с 9 на 10 июля полностью оснащенный корабль неожиданно взорвался и почти мгновенно затонул⁷⁴. Причиной взрыва в исторической литературе называется молния, попавшая в крыйт-камеру, но это ни одним документом не подтверждается, и если это так, то надо заносить «Нарву» в книгу рекордов Гиннесса как единственный в мире подобный случай. В результате взрыва носовая часть корабля была полностью разрушена, а кормовая утонула, и над водой остался «только виден от сломанной бизань-мачты с сажень и немного с верхнего каюта».

Для подъема «Нарвы» в Голландии наняли трех водолазов. Петр писал об этом К. Крюйсу: «Наняты здесь голанцов 3 человека, которые обязались карабль „Нарву“ вынять. А договоренось с ними, дать за то тысячу двести гульденов, которые им здесь уже выданы. И

⁷² Именно так писали в старых документах: заведывающий, а не заведующий.

⁷³ Цит. по: Соколов А.К. Кронштадт: история длиною в 300 лет. С. 14–15.

⁷⁴ Лукошков А.В. Подводный музей истории кораблестроения // Цитадель. 1997. № 2 (5). С. 20.

когда оные к вам придут, тогда определите их к той работе немедленно, придав им потребные к тому припасы, гинсы и прочее и несколько работников. И что они вынут из воды от того карабля, то все им отдать надлежит (по учиненному с ними договору, с которого при сем копию присылаем). Только вычтите у них и с той их добычи вышеупомянутые тысячу двести гульденов назад. Петр»⁷⁵.

Водолазы работали на «Нарве» весь 1718 г. Так, К. Крюйс 31 мая 1718 г. писал Ф.М. Апраксину об определении «государственных» людей для приема спасенного груза⁷⁶. Однако пушки и другое имущество извлекали из несчастной «Нарвы» крайне медленно, аж до 1724 г. Всего за семь лет водолазы извлекли лишь два 200-килограммовых якоря, одну 12-фунтовую пушку, две 24-фунтовых и девять пушечных лафетов и кое-какие мелочи. Известно, что три иностранных водолаза – Баренс, Классен и Доус – получили в качестве процента от стоимости поднятого имущества 1681 руб. 54 коп., а учитывая стоимость судна, совсем немного. Разломанный корпус «Нарвы» был занесен грунтом, который в условиях Финского залива является хорошим консервантом.

Прекрасно понимая сложности плавания по Финскому заливу, Петр 13 ноября 1718 г. сделал два рисунка: один с обозначением места расположения маяка на самой оконечности Котлинской косы⁷⁷, второй – изображение маяка, «колма с фонарем-фейербаканом»⁷⁸.

Но флоту угрожали и другие опасности. Так, в 1719 г. Балтийский флот потерял сразу два линейных корабля – 54-пушечные «Лондон» и «Портсмут». Первый построили в Англии, второй – в Голландии. Купленные Россией, они под видом торговых судов пришли в Ревель (ныне – Таллин). В том же 1719 г. Англия, Австрия, Саксония и Ганновер заключили в Вене договор, направленный против России. Русские корабли еще не были готовы к противоборству с Англией, и Петр 5 октября отозвал в Кронштадт три корабля: «Лондон» (командир – англичанин, капитан 2-го ранга Роберт Литль), «Портсмут» (командир – шотландец, капитан-поручик Адам Уркварт) и «Девоншир» (командир – англичанин, капитан 3-го ранга Джон Ден). 12 октября корабли находились на подходе к Котлину. «Лондон» шел первым, за ним – «Портсмут», последним – «Девоншир», в двух милях от «Портсмута».

Непонятно, почему англичане не воспользовались услугами лоцманов. Ведь официальное образование лоцманской службы Петербургского порта относится к 16 апреля 1709 г., почти одновременно появились лоцманы и в Кронштадте⁷⁹. Ранее из командиров этих кораблей кронштадтским фарватером проходил только командир «Девоншира», служивший в России с 1712 г. В полдень на траверзе поселка Лебяжье «Лондон» и «Портсмут» наскочили на мель. Причем «Портсмут» получил существенный крен, и, чтобы выровнять корабль, пришлось срубить мачты. «Лондон» засел в грунт так, что стащить его с мели не представлялось возможным, не помог и шторм с сильным северо-западным ветром, наоборот, продвинувший корабль еще дальше на мель. «Портсмут» же перенесло на другую мель, ближе к берегу. «Лондон» потерял в этот шторм все мачты, а «Девоншир» уцелел только чудом.

Петр смог прибыть на место гибели кораблей 18 октября 1719 г. Он приказал снять все ценное и назначил следственную⁸⁰ комиссию для выяснения причин катастрофы. Работа комиссии результата не дала, но есть предположение, что английские командиры кораблей действовали вполне сознательно, то есть были заинтересованы в том, чтоб их корабли до Кронштадта не дошли.

⁷⁵ РГАВМФ. Ф. 234. Оп. 1. Д. 30. Л. 253.

⁷⁶ Там же. Д. 10. Л. 135.

⁷⁷ Там же. Д. 34. Л. 77.

⁷⁸ Там же. Л. 78.

⁷⁹ Сабо И.К. Сборник кратких сведений по Морскому ведомству.

⁸⁰ Историческое развитие лоцманской службы в России. СПб., 1908. С. 6.

Корпус «Портсмута» унесло в море, но недавно удалось его обнаружить и поднять некоторые фрагменты. Сейчас в Музее истории Кронштадта создается экспозиция, посвященная подводной археологии, в которой будут выставлены и эти фрагменты, разумеется, после соответствующей консервации.

«Лондон» же, точнее то, что осталось от его корпуса, весной Э. Лейн использовал для маяка на этой опасной мели, которая и получила название Лондонской.

18 мая 1920 г. В том же мае, 18-го числа, Петр подписал три указа об обороне крепости. Задачи флота он сформулировал в указе Сиверсу, в шестом пункте говорилось: «Оборону флота и сего места держать до последней силы и живота, яко наиглавнейшее дело». Эти слова будут выбиты на постаменте памятника Петру Великому в Петровском парке Кронштадта. Второй указ предназначался гвардии майору М.А. Матюшкину, который командовал сухопутными силами и галерами. Третий – командовавшему всей артиллерией В. Корчмину. Ему предписывалось, кроме всего прочего, «стрелять как можно скоро, однако ж с доброй прицелкой, дабы действительно были выстрелы, а не гром».

Док-канал

Активно пополнявшийся Балтийский флот требовал и соответствующих условий для ремонта кораблей. Корабли строились в спешке, и иногда срок службы без ремонта составлял всего несколько лет. Сказывались и «невыдержанные материалы», и резкие перепады температуры воды в Балтийском море. В частности, неоднократно отмечалось, что «в Кронштадтской гавани вода пресная и кораблям вредительная».

Наличие докового ремонта позволило бы значительно продлить жизнь кораблей.

Ремонт кораблей в Кронштадте был значительно удобней, так как позволял избежать необходимости проводить корабли в Петербург через мелководный невиский бар. Поэтому еще 26 июня 1714 г. Ф.М. Апраксин приказал строить на Котлине казармы для рабочих, верфи для моряков, а затем и мастерские: столярные, резную, бочарную, парусную, компасную, оконничного и медного дела, сарай для блочного дела, а кроме того, распорядился добавить в кузницу восемь горнов⁸¹.

Для этого в Кронштадте создали уникальный комплекс «док-канал». Идея Петра заключалась в том, что корабль, предназначенный к ремонту, вводился по каналу в док, вода из которого выкачивалась бы в бассейн, но для ускорения откачки глубина бассейна должна значительно превышать глубину дока. Таким образом, вода вытекала бы из дока сама собой. Из бассейна воду должны были откачивать ветряные мельницы. По каналам удобно было бы доставлять и необходимые для ремонта материалы.

Указ о его строительстве датирован 18 мая 1719 г., и в том же году на южном берегу Котлина началась работа по его сооружению. Согласно проекту 1719 г., канал прорезал остров одной линией с юга на север и поворачивал на восток двумя параллельными линиями. Его западные рукава должны выходить в море, юго-восточный рукав с тремя доками к северу от него и тремя к югу намечалось завершить огромным бассейном для слива в него воды из доков. Именной указ Петра от 8 мая 1719 г. гласил: «...начать канал близ соборной церкви Св. Андрея Первозванного от берега морского до доков, и доки, также и со стороны у канала отделать»⁸².

Однако на том месте, где должен был проходить канал, находилось около 140 деревянных домов. Их снесли, людей переселили, но работа продвигалась очень медленно. Тогда к этому делу подключился комиссар⁸³ Петр Никифорович Крекшин – личность необычайно интерес-

⁸¹ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 247. Л. 699.

⁸² Цит. по: История отечественного судоремонта. Кн. первая. СПб., 2004. С. 33.

⁸³ В данном случае – уполномоченный, облеченный единоличной властью.

ная. Он именовал себя на заглавных листах своих многочисленных литературных произведений обычно «новгородским дворянином»⁸⁴. Вот что пишет о нем известный историк П.А. Кротов: «Новгородский дворянин П.Н. Крекшин явно имел склонность к занятию предпринимательской деятельностью, ростовщичеству, увеличению собственных поместных владений. Выявленные разрозненные бумаги из его семейного архива дают некоторое представление о его деятельности такого рода»⁸⁵. Такого рода деятельность иногда связана с конфликтами, так, в 1714 г. Крекшин подозревался в растрате казенных денег, когда служил смотрителем строительных работ на Котлине, но его оправдали и определили к должности комиссара по приему разного рода материалов, подряженных для котлинского строительства.

И вот – доки. Главный надзор за строительством канала осуществлял стольник М.М. Самарин, непосредственное управление работами – инженер Э. Лейн, тогда еще капитан 1-го ранга. Но вся финансовая сторона дела находилась в руках Крекшина. Именно он распоряжался огромными суммами казенных денег, которые отпускались по именным указам «за подписанием Его Величества собственной руки». Первый платеж состоялся 25 мая 1719 г., а всего до декабря 1721 г. перечислили 586 000 руб.

Самарин с подозрением относился к Крекшину, распоряжавшемуся столь крупными суммами, и периодически их отношения обострялись. Так, 12 декабря 1720 г. Крекшин угрожал задержавшему выдачу денег Самарину, «ежели он... будет чинить отговорки, изболбить... явно». И Крекшин подал на Самарина донос. Петр поручил расследовать это дело генералу М.М. Голицыну: «Пишете вы, что комиссар Крекшин подал доношение на Михаила Самарина о похищении, также и он, Самарин, против оного Крекшина подал доношение, что во исправление работ он, Крекшин, не исправен. Того для в том розыщите сами и смотрите того, чтоб в котлинской работе не учинить остановки»⁸⁶. Самарин обвинял Крекшина в том, что он на казенные деньги покупал различные материалы и даже драгоценные камни и перепродавал это, разумеется, с выгодой для себя. Следствие затянулось, и, по одним данным, после смерти Петра I Крекшин вышел в отставку, по другим – состоял на государственной службе до 1727 г.

Одновременно Крекшин собирал материалы о жизни и деятельности Петра Великого и в 1742 г. завершил и представил императрице Елизавете Петровне свой труд «Краткое описание блаженных дел великого государя императора Петра Великого, самодержца всероссийского, собранное чрез недостойный труд последнего раба Петра Крекшина, дворянина Великого Новгорода», который хранится в Эрмитажном собрании Отдела рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге.

В 1719–1721 гг. канал выкопали на участке от гавани до первой крестовины. Петр контролировал эти работы и периодически вносил изменения в проект. Так, 17 октября 1724 г. на план строительных работ на Котлине он наложил уточняющую резолюцию: «О канале. Зделать два дока [...] из оных один для троепалубных кораблей. Другой для двухпалубных. А именно 66- и 54-пушечных, а третьем месте зделать гелинг [...] Сии доки делать деревянными, понеже оные на время»⁸⁷.

Северная война близилась к завершению. Весной 1721 г., почти за четыре месяца до подписания Ништадтского мира, к Петру на Котлин прибыл чрезвычайный посол Швеции генерал-адъютант Марке. Царь с гордостью, не скрывая ничего, показывал представителю противника возведенные укрепления. «Хотя и не обычай между воюющими показывать крепости неприятельскому офицеру, однако же ему то учинено: не надобно им денег на шпионов терять,

⁸⁴ Кротов П.А. Основание Санкт-Петербурга. СПб., 2006. С. 35.

⁸⁵ Там же. С. 37.

⁸⁶ Цит. по: Кротов П.А. Основание Санкт-Петербурга. С. 41.

⁸⁷ Цит. по: История отечественного военного судостроения. Кн. первая. СПб., 2004. С. 24.

понеже он все видел» – эти слова Петра I точно характеризуют его твердость и уверенность в силе своих войск.

Известие о подписании Ништадтского мира застало Петра на пути из Кронштадта в Дальние Дубки⁸⁸. Отмечали это событие торжественно. После молебна и трехкратного орудийного салюта на Троицкую площадь Санкт-Петербурга выкатили бочки с вином – началось народное гулянье.

⁸⁸ О Дальних Дубках см.: Амирханов Л.И. Заповедная роща Петра Великого (парк «Дубки») в Сестрорецке. СПб., 2016.

Основание Кронштадта

Гавани

Как уже упоминалось, строительством гавани вместо Крюйса с 1713 г. руководил капитан Э. Лейн. Англичанина Эдварда (Идверда) Лейна (Лайна) Петр I принял на русскую службу в 1702 г. Ему присвоили морское звание «поручик», что соответствовало тогда сухопутному званию «капитан». Петр поручил ему строительство гавани, так как учитывал глубокие познания Лейна в строительстве гидротехнических сооружений. И уже в следующем году первая гавань была в основном готова, и корабли Балтийского флота могли зимовать на Котлине, а не в Петербурге.

Но уже во время строительства первой гавани стало очевидно, что ее размеры недостаточны, так как флот стал постоянно получать новые корабли. Поэтому в 1713 г. начинается строительство комплекса новых крупных гаваней, вскоре получивших названия Военной, Лесной, Средней и Купеческой. Основная идея их расположения принадлежит Петру, но вполне можно считать ее соавтором капитана Э. Лейна. В процессе строительства он вносил существенные поправки и изменения в формы и размеры гаваней, которые в окончательном виде затем включили в генеральный план Котлина, утвержденный Петром I в 1721 г.

Первоначально с объемом работ справлялись гарнизонные полки, вольнонаемные рабочие, пленные шведы и каторжники, но вскоре стал ощущаться явный недостаток рабочих рук.

1 января 1715 г. «за особливую его службу у гаванского дела» Лейна произвели в капитаны 1-го ранга.

Перестройка гаваней по новому проекту началась в 1717 г. Периодически работам мешали шторма и наводнения. По данным С.П. Луппова, «за 22 года – с 1703 по 1725 г. – в Петербурге было 11 больших наводнений»⁸⁹. Однако имеются данные и о наводнениях, случавшихся в допетровскую эпоху и существенно осложнявших жизнь прибрежных селений и Ниена. В весеннее половодье и в осенние шторма вода поднималась здесь на 2–2,5 м выше ординара. Шторма, наводнения и лед разрушали берега и укрепления Ниеншанца, все «крушилось, смывалось прочь под ударами волн, так как валы были сделаны из земли, смешанной с глиной и песком, и не могли противостоять водной стихии».

Нас же больше интересует, как наводнения сказывались на жизни Кронштадта. К сожалению, данных этих не много. Об одном из них Р.В. Брюс докладывал А.Д. Меншикову феврале 1711 г.: «По ведомости полковника Островского, что прошедшего 1710 году декабря в 10 день от болшой воды окола Кроншлота быки изломаны, и бойницы во многих местех повредила, и пристани поломало, також на Котлине острову Ивановскую батарею повредило, а меньшую батарею розбило и лес весь рознесло, а пристань, которая на Котлине острову против Кроншлота, сажень на десять розбило»⁹⁰. Наводнения будут сопровождать Кронштадт, как и Петербург, на протяжении всей его истории.

⁸⁹ Луппов С.П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII в. М; Л., 1957. С. 143; Ю.Н. Беспярых в своей книге «Наводнения в Петербурге Петра I» справедливо указывает на арифметическую ошибку. Должно быть 23 года.

⁹⁰ Цит. по: Беспярых Ю.Н. Наводнения в Петербурге Петра I. СПб., 2013. С. 92.

А.Д. Меншиков

В феврале 1718 г. стенки Военной (Корабельной) гавани (кроме западной) возвышались над водой на 1,5 м. В 1726 г. Кронштадт пострадал от двух наводнений: 18 сентября и особенно сильного 1 ноября. Адмирал Ногаев писал об этом: «...на карауле в Кронштадтской цитадели, вода, выгнав их из караульного дома, сгоняла их с банкета на банкет, потом покрыла все пушечные платформы и принудила отсиживаться на пушках, где они, окачиваемые морскими волнами, пребывали до полуночи».

К 1720-му Военная и Купеческая гавани были готовы, одновременно формировались очертания Средней гавани. Старую гавань начали разбирать в 1720 г. – освобождающиеся камни пошли на строительство стенки, соединяющей Военную гавань с берегом и служащей границей между Военной и Лесной гаванями.

В первых числах января 1717 г. Сенат поручил А.Д. Меншикову осмотреть стройку. Александр Данилович нашел старую гавань недостаточной и приказал удлинить ее еще на 106,7 м к востоку. К концу зимы приказ Меншикова выполнили.

Вооружение на стенах гаваней Петр осматривал 25 апреля 1720 г. На стенках Купеческой гавани он приказал установить 100 пушек, а на стенках Военной – 80. Эту работу он получил шаятбенахту (контр-адмиралу) П.И. Сиверсу. Для выполнения этой задачи Сивере распорядился расширить батарею на юго-восточном углу Военной гавани почти на 42 м, чтобы получить место для установки дополнительных орудий. На северо-западном углу Военной гавани батарею срубили от самых ворот до угла. 6 мая 1720 г. Сивере доложил Петру: «По ныне по тем батареям поставлено 80 пушек, а торговом гавану 41»⁹¹.

Объективные причины и наводнения не позволяли ускорить строительство гаваней, и Петр, не скрывавший своей нетерпеливости, передал все руководство этими работами под начало сенатора М.М. Самарина, при этом строго наказывая ему: «Ведать и надсматривать дело гаванное, чтоб, кроме боль-верков, сей зимы кончено, в чем неусыпно радеть и делать и понуждать, чтоб конечно было сделано, несмотря ни на кого делать прямо под потеряннем живота». С приходом М.М. Самарина работы пошли более организованно и немного быстрее. Но перебои в поступлении денежных средств и периодическая нехватка лесоматериалов сдерживали ход работ.

Необходимо отметить, что Петр I, строго оберегавший леса и сам посадивший огромное количество деревьев, своими указами ограничивал вырубку лесов в окрестностях Петербурга. Однако ради скорейшего окончания гаваней ему пришлось решиться на крайнюю меру – в

⁹¹ Цит. по: Раздолгин А.А., Скориков Ю.А. Кронштадтская крепость. Л., 1988. С. 47.

1719 и 1721 гг. он издавал указы, по которым «велено лес, где годный к тому сыщется, рубить и гавань достраивать».

Начиная с весны 1719 г. и почти до конца навигации на отдельных готовых участках гаваней стали устанавливать пушки. 27 января 1720 г. Петр, находясь на Котлине, приказал М.М. Самарину строить в гавани западную Купеческую стенку, а существующую старую стенку разобрать и оградить ею Лесную гавань от берега до угла Военной гавани.

Чистовая отделка последней гавани – Военной – завершилась в 1723 г., и ее полное вооружение составили 72 орудия. Под стать этой мощной гавани более активно продолжилось оборудование гаваней для приема и обслуживания военных и торговых кораблей. Однако деревянные гавани и молы в условиях балтийских штормов да и просто со временем требовали ремонта и частичного восстановления. Эти работы продолжались вплоть до строительства гранитных гаваней, но деревянные молы этих гаваней будут сопутствовать им на всем протяжении их существования.

Строительство в начальный период велось «нарядом рабочих от губерний» на основании изданного в январе 1712 г. сенатского указа, в котором говорилось: «Для строения на Котлине фортеции и жилья положить на все губернии ныне 3000 человек, чтобы губернаторов держали по два безменных надзирателя и работу начали в это лето». Но людей постоянно не хватало, и К. Крюйс неоднократно писал об этом, отмечая, в частности, что рабочие уже два месяца соли не получали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.